

Произведения лауреатов и дипломантов Четвертого открытого литературного конкурса имени Всеволода Остена - Номинация «Малая проза и публицистика»

Номинация «Малая проза и публицистика» 2025

Первое место (золото) и звание лауреата:

[Павлов Андрей Валерьевич](#) (персональный номер участника - 446)

Второе место (серебро) и звание лауреата:

[Васильев Сергей Валерьевич](#) (654)

Третье место (бронза) и звание лауреата:

[Незина Екатерина Николаевна](#) (670)

Звание дипломанта:

[Безрук Игорь Анатольевич](#) (621)

[Зайцев Николай Петрович](#) (659)

[Зарчаеский Станислав](#) (806)

[Бакин Виктор Семенович](#) (423)

[Валеев Марат Хасанович](#) (628)

[Преснякова Наталья Ивановна](#) (500)

[Шубникова Галина Николаевна](#) (546)

[Фёдоров Вадим Николаевич](#) (787)

Павлов Андрей Валерьевич – родился в 1971 году в Ростове-на-Дону. Кандидат военных наук, полковник запаса. Автор изобретения, ряда научных статей по геополитике, военной истории, информационному противоборству, методологии научных исследований. Прозаик, поэт и публицист.

Живет в Санкт-Петербурге.

Мигрант*

* – юридически согласованного определения не существует, однако ООН определяет мигранта, как «лицо, проживающего в чужой (?) стране в течение более одного года, независимо от причин миграции (добровольных или недобровольных) и методов миграции (легальных или нелегальных).

– Доброе утро, Басим! Что-то давно тебя не было видно! Болел?

– Нет, дорогой! Уезжал домой. Жена сына родила!

Улыбка на лице местного дворника была под стать его имени.

– Как мне только сообщили, что её в роддом перевели, я сразу в управляющей компании отпуск взял за свой счёт и рванул на Родину. Не успел, конечно, к родам, но забирал нашего мальчику уже сам!

Его голос, с чудным акцентом, но вполне воспринимаемый ухом, был звонок и отражал его душевное состояние.

– От всего сердца поздравляю, Басим! Какое имя мальчишке выбрали?

– Джандаль – камень, скала, сила, воля значит по-нашему!

– Будет опора и помощник в семье!

– А как по-другому, дорогой?! И спасибо за тёплые слова!

Мы расстались оба в хорошем настроении, даже не догадываясь, что произойдет дальше...

А дальше на Родине Басима началась война. Враг давно пытался «раскачать» эту молодую республику назло нам, соседям, чтобы потом вся злость её народа перекинулась на нас. И Басим, как настоящий патриот, опять уехал туда. Чтобы бороться со злом. Что там случилось – неизвестно, но через несколько месяцев в комнатухе нашего подъезда на первом этаже, предназначенной для размещения консьержа, появилась молодая женщина восточного вида с маленьким ребёнком.

Местные «тётки» сразу заворчали, всем своим видом показывая, что такое соседство их не устраивает и, как положено, обратились в управляющую компанию.

– Понаехали! – горлопанила одна из самых бойких. – Ещё и всякую заразу занесут! А у меня – коты! Не хватало, чтобы они их заразили!

Представитель управляющей компании, женщина примерно её возраста и телосложения, устало, но с улыбкой, подняла на неё свои глаза, оторвавшись от работы и спокойно ответила:

– Всё будет хорошо, Светлана Петровна. Ведь Вы – Светлана Петровна?

От такой реакции собеседница слегка опешила, но ответила утвердительно.

– Ну вот и хорошо. Помните, у нас дворник был – Басим?

Светлана Петровна, как и все стоящие за её спиной, прежде возбужденные жительницы подъезда, кивнула в знак согласия.

– Так вот. Он умер на своей Родине. Был ранен в борьбе с врагом. Долго лечился, но ранение оказалось сильнее... Он мне написал перед смертью, чтобы я помогла его жене и сыну. И я не могла отказать. Вы ведь все помните, что Басим был не только дворником... Он и детскую площадку во дворе чинил, и электрику в подъезде, если что перегорало...

– А мне раковину поменял на кухне... – внезапно сказала одна из женщин, стоящих за спиной Светланы Петровны.

– Ну вот, видите... Да, конечно, она не очень хорошо говорит по-русски. Но это – пока. Я записала её на курсы языка. Тем более, что её имя говорит само за себя – Алима! Я посмотрела в словаре: это значит «знающая, сведущая, ученая». А когда я с ней познакомилась, оказалось, что у себя на Родине она была учителем в школе. Но враги эту школу разрушили... Так что, тётки – не бузите!

Представитель управляющей компании вновь улыбнулась и обвела взглядом всех «ходоков».

– Пока она у вас в доме будет порядок наводить, прибираться и цветы поливать. А мы ей деньги будем платить, чтобы она выучилась по нашим стандартам и малыша своего, Джандалья, подняла. Но если будут к ней претензии – сразу ко мне! Согласны?

Бузотёры переглянулись, посмотрели на Светлану Петровну, одобрительно кивая, и она завершила встречу коротким «Да!». На том и порешили.

Алима оказалась «находкой» не только для жителей подъезда, но и для всего дома! Если нужно было оставить на время ребёнка – обращались к ней. Если нужно было вывести на улицу слабоходящую бабушку или собаку – обращалась к ней. А после того, как она (довольно быстро) выучила русский язык, так и консультации по физике и математике со школьниками 5-6 классов она проводила безо всякого напряжения! Ребята её любили и уважали. Была даже идея попробовать устроить её в местную школу, но организационные препоны помешали это сделать несмотря на то, что российское гражданство они с сыном получили, хотя так и жили в комнате на первом этаже...

И сын рос – настоящий богатырь! Все соседи отмечали, как он с возрастом становился всё больше похожим на отца. Ещё до школы он начал помогать маме убирать в подъездах. А как только пошёл в школу, сразу отметился смекалкой и умом. Мы, соседи, никак не могли нарадоваться успехам «нашего мальчика», как мы его стали называть с лёгкой руки той самой Светланы Петровны, немного постаревшей, но такой же бойкой, как и прежде. И не было впереди печали, если бы...

...Когда Джандалью исполнилось 14 лет, мама умерла. Рак. Очень быстро. У нас в подъезде жил врач, он подключил все свои связи, чтобы помочь Алиме, но оказалось слишком поздно...

Мальчишке после девятого класса пришлось оставить школу и занять место мамы. В управляющей компании его оформили работником. Осенью сметал листву, зимой – чистил снег. Летом – косил траву возле дома, и во все времена года очищал урны от мусора, который всё больше и больше оставляли не коренные жители дома, а те, кто снимал квартиры. Те квартиры, в которых раньше жили тётки и бабульки, дружившие с Басимом, но ушедшие в мир иной... А теперь их племяши и внуки сдавали эти квартиры понаехавшему быдлу, которому было наплевать на всё и на всех.

В один из таких летних вечеров я возвращался с работы домой. Возле нашего подъезда рос огромный куст шиповника, ещё очень давно посаженный Басимом, и за которым ухаживали все жители. Проходя мимо, я услышал тихие всхлипывания, как будто кто-то плакал. Подойдя ближе, я увидел, что это был Джандаль.

– Что случилось, малыш?!

Он смахнул рукавом рубашки слезы с лица и тихо ответил:

– Всё нормально, дядя Слава.

– Но я же вижу, что что-то не так. Скажи, что произошло?

Он встал с палисадника во весь свой могучий рост, взял меня под руку и направился к лавке, стоящей возле подъезда.

– Я вытряхивал мусор из этой урны. – Он показал на раскачивающуюся ёмкость для сбора мусора в виде пингвина, с любовью сделанного когда-то его отцом. – И тут из подъезда вышли они. Трое. Они совсем недавно сняли квартиру на третьем этаже. Там, где жила бабушка Мария.

Мария Филипповна умерла в почтенном возрасте полгода назад, а её внучка, получив в наследство квартиру, сразу сдала её эти обрыганам. Я видел их пару раз в неадекватном состоянии, но без претензий на нарушения.

– Один из них ногой ударил по урне со словами – убирайся, чурка! – продолжил мальчишка. – Я спросил их: зачем вы это делаете, а они...

Он опять заплакал...

– Что? Они тебя били?

Он поднял на меня глаза, полные слёз, и ответил вопросом:

– За что, дядя Слава?!

Я прижал его к себе. Мне нечего было ответить на это.

А в голове, как удары молота отголоском сердца, билось лишь одно: КТО ВАС, УРОДОВ, РОДИЛ?! КТО ВОСПИТАЛ?!

На следующий день я отправился в управляющую компанию, чтобы истребовать записи с видеорекамера. Но оказалось, что как раз в этот день их все сняли для технического обслуживания...

А потом добро и зло сошлось в битве не на жизнь, а на смерть...

– Джандаль! У тебя же есть возможность отказаться! Зачем ты идёшь туда?

– Знаете, дядя Слава... Война за ПРАВДУ убила моего отца на его Родине... А я вырос тут, это моя страна. Это – моя РОДИНА! И я хочу сказать ей спасибо за то, что она приютила нас с мамой. Сказать спасибо хотя бы так...

Мы, все, кто мог, проводили Джандаль до пункта распределения. Дальше нас не пустили. Мы договорились, что он будет нам писать письма оттуда, знали, что телефоны запрещены... Он, после полугодичной подготовки, был направлен в самое пекло и там... Вот, что он написал:

«А там я их встретил, дядя Слава. Тех, кто тогда у подъезда меня бил. Они сразу сдались в плен после одной из наших неудачных атак. Их сразу начали допрашивать на камеру, а тут мы снова налетели с поддержкой арты и вертушек! В общем, отбили их, а когда посмотрели видеозапись... Они, оказывается, ради денег шли в бойцы... И, самое грустное, что они не из Азии, как я, а отсюда...».

Я собирал у подъезда тёток и читал им письма нашего мальчика. Кто-то причитал, кто-то всхлипывал, кто-то крестился... Мы все переживали за него...

А в один из дней мне позвонили с неизвестного номера.

– Вячеслав?

– Всё верно, – приученный не отвечать «да» на неизвестные номера сказал я.

– Я от имени и по поручению... – и голос ответил, кто он.

– Слушаю вас.

– Джандаль мне оставил ваш телефон, на всякий случай, если что случится.

Мне стало всё ясно.

– Мы будем ждать его.

– Хорошо. Завтра борт переправит тело с сопровождающим к вам в город. Военком проинформирован. Встретит. Я знаю, что у него нет родных...

– Неправда. Нет родственников, а родные есть. Мы – его родные.

– Извините. Спасибо вам огромное. Он был настоящим солдатом и патриотом СВОЕЙ страны.

Потом мы узнали от сопровождающего, что наш мальчик погиб, когда прикрывал выход своей разведгруппы после выполнения задания. И за это он был награжден Орденом Мужества (посмертно).

...А на нашем подъезде с тех пор висит медная табличка с его барельефом, составленным по нашей памяти, и надписью: «В этом доме вырос, жил и трудился защитник нашей РОДИНЫ – Джандаль».

Спасибо тебе, наш мальчик. НАШ ГЕРОЙ!

Васильев Сергей Валерьевич – Родился в 1976 году в Орске Оренбургской области. Окончил Ачинское военное авиационно-техническое училище. Служил в боевом полку. Офицер запаса ВКС.

Награжден несколькими государственными боевыми наградами и многими другими общественными наградами. Член ВОО ВБД «Боевое братство». Живёт в Орске Оренбургской обл.

Сашка

Основано на реальных событиях

– «Режиссер» – «Паскалю», «Режиссер» – «Паскалю», я подбит. Разорвало «гусянку». Нахожусь под плотным огнем. Ведем бой. Ведем бой. – громко, но спокойно говорил хриловатый мужской голос в наушниках шлемофона Сашки, а на заднем плане эфира слышались четкие звуки стрельбы из пулеметов и автоматической тридцатимиллиметровой пушки.

Парень прекрасно понимал, что сейчас происходит там – впереди разбитой и искореженной снарядами улице, с выгоревшими многоэтажными домами, раздербаненными в щепки деревьями, и черными пустыми глазницами воронок в асфальте, над которыми висел сизый пороховой дым.

Светловолосый, худощавый, невысокий, двадцатилетний Сашка, с перемазанным чем-то черным лицом, внимательно смотрел в прицел танковой пушки, до хруста сжав свои зубы. В радиоэфире посекундно раздавались голоса, которые отдавали команды, о чем-то говорили, просили о помощи, кричали, смеялись, матерились...

Так всегда бывает, когда идет штурм города. Вокруг творится какая-то неразбериха и непонятно, где свои, а где чужие. Обстановка меняется моментально – каждую секунду. Сейчас боевики были здесь, а не успеешь глазом моргнуть, как они уже там. Кругом все бахает, стрекочет, визжит, пищит и кричит, лязгает и разбивается, горит. Пахнет насыщенным порохом, сырой землей, свежей древесиной, бетонной пылью, выхлопным дымом от дизтоплива и едким – от сгораемого пластика.

В отсеке экипажа танка, в котором находился Саша, стоял сильный запах пороха, раскаленного металла и пота, исходящего мужскими телами от пропитывающего их адреналина. Раздавался пискливый звук работающих приборов и приглушенный от работающего двигателя.

Их танк в этом месте оказался случайно, когда менял позицию для очередной стрельбы. Выскочили на улицу, а тут на тебе, увидели и услышали. На войне много чего происходит случайно и от того, кто и как сделает следующий шаг, много чего зависит.

Парень видел, что подбитая БМП находится метрах в семиста перед ними и яростно огрызается всеми стволами, ведя огонь куда-то влево в сторону покореженных многоэтажек. На ее броне феерверком мелькали снопики ярких золотистых искр, которые высекали стальные сердечники смертоносно бьющих пуль.

Сашка, почему-то не к месту, вспомнил, что так же взрывались маленькие петарды, которые он вместе со своими друзьями покупал пачками перед новым годом. А потом, они ходили по улицам своего небольшого провинциального городка, поджигали их и разбрасывали, пугая кошек и прохожих. Соседи постоянно жаловались на него за это, а мать ругала и обещала, отобрать эти веселые разноцветные цилиндрики с порохом.

Почему, до сих пор, боевики не сожгли обездвиженную БМП, парень не знал. Видимо у противника закончилось более тяжелое вооружение, и теперь он терзает ее из стрелкового оружия, в надежде причинить ей хоть какие-нибудь повреждения и по возможности уничтожить экипаж.

А вот экипаж, не собиравшись сдаваться или покинуть обстреливаемую со всех сторон раненую машину. Да это было бы и глупо. Как только бы они открыли люки и появились снаружи, их тут же бы всех положили, поэтому у них оставался лишь один выход – идти до конца. Помощи они не просили, наверное, понимали, что сейчас происходит вокруг и ждать чего сверх естественного им не придется.

«Смелые и отчаянные мужики», – с восхищением подумал Сашка, когда увидел всю эту картину. Парень оторвался от прицела и вопросительно посмотрел на Гена, своего командира танка. Широкоплечего, такого же невысокого, голубоглазого двадцатипятилетнего парня, чуваша по национальности. Тот в свою очередь, отстранился от триплексов и задумчиво глянул на свой экипаж.

– Ну, что делать будем, мужики? – серьезно спросил Гена у них.

Рамиль, механик-водитель танка, двадцатитрехлетний чернявый весельчак, переглянулся с Сашкой. Парень прочитал в его глазах – нельзя бросать мужиков! Еще он заметил, как напряглись желваки на скулах Рамиля, а в глазах мелькнул металлический блеск.

– Надо вытаскивать мужиков, – с полной уверенностью в голосе сказал Саша, – иначе, их точно сожгут. У них, от силы, осталось минут десять. Сейчас, эти черти притащат пару РПГ и все – звездец мужикам.

– Рамиль, ты как? – спросил Гена.

– Нормально. Я только «за». Командуй, Ген. – и парень крепче ухватился руками за рычаги управления танком.

– У нас трос есть? – снова спросил Гена у экипажа.

– Был, на корме, если его чем-нибудь не снесло, – ответил Рамиль.

– Тогда, расклад такой. Подлетаем к БМП, разворачиваемся, цепляем трос и вытягиваем мужиков, – быстро проговорил командир. – Все согласны, с такой постановкой плана?

– Да, – дружно отозвались Саша с Рамилем.

– Кто пойдет наружу? – продолжил Гена.

– Да, я и пойду, – сразу же отозвался Сашка. – Тут и думать нечего. Можете ничего не говорить. Мы все здесь не трусы, вот и все. Закончили на этом. – Генка тяжело выдохнул, а Рамиль повернул голову к своим триплексам в люке, сверкнув глазами.

Саша давно уже решил все про себя. Экипаж может обойтись без наводчика, а вот без мехвода или командира, который знает и умеет все, нет. Генка был самым опытным из них и мог заменить собой любого. Мог выполнить любую функцию и задачу. Так что, как не крути, наружу лезть оставалось только Сашке.

Парень знал, чувствовал, что пацаны не бросят мужиков в беде, потому что, это не по-русски! Своих в беде не бросают. Как там говорил великий Суворов? «Сам погибай, а товарища выручай!». Значит, так тому и быть.

Было ли Сашке страшно? Конечно ему было страшно. А кому не боязно на войне, особенно когда прекрасно осознаешь, что сейчас по тебе будут стрелять и могут убить? Но, после того как ребята решили вытаскивать мужиков, его охватил какой-то детский и безумный азарт. Он подумал, что начал играть в рулетку, на кону которой, стоит самое дорогое что у него есть – жизнь. Парня даже начал потряхивать мелкий озноб, а сердце в груди застучало как пулемет.

– «Паскаль», «Паскаль», я «Коробочка пять». Стою сзади тебя. Удаление семьсот, – зазвенел металлом голос командира танка. – Иду к тебе. Иду к тебе. Держитесь мужики. Сейчас мы вас вытянем.

– Принял тебя, «Коробочка пять», вижу, – с нотками радости, раздался хриловатый голос в наушниках Саши. – Что хотите делать?

– Зацепим вас и вытянем, – спокойно ответил Гена.

– Вы что, совсем придурки? – удивился мужчина на другом конце радиосвязи, и парни услышали звуки пулеметной стрельбы. – По нам ведется плотный огонь. Вы только голову высунете, вас сразу же положат!

– Ничего. Бог не выдаст – свинья не съест, – весело отозвался командир. – Пару минут и мы у вас. Ждите мужики, мы сейчас. По возможности, прикройте огнем и поплотнее.

– Принял. Удачи. Ждем вас, мужики.

Гена, быстро окинул суровым взглядом ребят, улыбнулся, припал к триплексам и, как-то по-

гагарински, громко сказал:

– Поехали!

Танк взревел турбинами, резко дернулся и с лязганьем, вырывая куски асфальта металлическими траками, устремился на помощь подбитой БМП. С каждой секундой скорость многотонной машины нарастала. Больше медлить было уже нельзя. Танк ревел и перемалывал дорожное покрытие, оставляя за собой два широких следа, будто вспахивал его бороной.

Не доезжая до БМП нескольких метров, танк снизил скорость и резко развернулся на сто восемьдесят градусов, после чего, мгновенно замер. Рамиль был отличным мехводителем и умел чувствовать свою тяжелую машину. Сашка быстро расстопорил замки своего люка и, как кошка, выпрыгнул наружу, стекая по броне.

В его уши молниеносно ворвались звуки уличного боя, а в нос ударила смесь резких едких запахов. Парень, как на смотровых учениях, быстро спрыгнул на корму танка. «Слава Богу!» – подумал он, когда увидел, что тяжелый металлический буксировочный трос спокойно лежит на броне машины.

Немедля, Саша схватил его посередине и подтащил к борту танка. Спрыгнул, снова взялся за тяжелый трос и начал стаскивать металлический канат на землю. Тут же, вокруг парня начали ложиться пули, подымая мелкие черные фонтанчики на земле, и высекая ядовитые яркие искры на асфальте и на стальной броне танка.

В это время, БМП открыла сильнейший огонь со всех стволов, пытаясь подавить точки стрельбы боевиков, из которых велась смертоносная стрельба по отчаянному парнишке. Башня танка начала медленно разворачиваться, тоже выискивая точки огня противника. Ребята хотели прикрыть Сашку огнем из своего орудия.

Парень, сильно напрягшись, с криком, поднял неуклюжий тяжелый трос на свои руки:

– Давай... – и потащил его к специальному креплению, которое находилось сзади многотонной машины.

В этот момент Сашке казалось, что время замедлилось. У него создалось впечатление, что он как будто бы идет против течения быстроходной горной реки. До того все происходило так медленно. Он не обращал внимания, что вокруг него все свистит и жужжит, рикошетит и кувыркаясь, летит в стороны. Подымаются грязные фонтанчики от земли, и раздаются резкие звуки металлического града, от пуль, которые били по броне БМП и танка.

У парня билась только одна мысль в голове: «Нужно зацепить трос и вытащить ребят. Нужно помочь мужикам. Без нас, они точно погибнут. Умирать сейчас ему нельзя!» Пот скатывался с его лба крупными горячими каплями и затекал в глаза, мелким ручейком струился между лопаток, увлажняя одежду.

Сашке нужно закрепить трос, а он, зараза, был такой тяжелый. Уходили драгоценные секунды, и пропасть между жизнью и смертью неумолимо сжималась, грозя поглотить всех. Парень закрепил одну петлю на танке и пятясь спиной вперед, потянул другой конец к корме БМП.

Пуля ударила в верхнюю кромку троса и сильно дернула его, чуть не вырвав из рук парня. Разорвала металлические волоски и распушила их, оставив красноватую полукруглую борозду от своей медной оболочки.

Другая пуля скользнула по кончику верха черного шлемофона Сашки. Разорвала ткань и разворотила ее корявыми лохмотьями наружу. Парень почувствовал, что по шлемофону что-то стукнуло, но отвлекаться на мелочи он не мог. Сашка продолжал упорно, но медленно тянуть трос, так ему показалось в тот момент.

– Давай! Давай... – с натугой кричал он, волоча непослушный металлический канат.

Через несколько секунд, другой конец троса был закреплен на корме БМП. Сашка облегченно выдохнул. «Теперь все будет нормально, только надо аккуратно вытянуть мужиков. А сейчас быстро назад, к своим пацанам.» - радостно подумал парень и бросился к танку. Взлетел по броне, нырнул в свой люк и мгновенно застопорил замки на нем изнутри.

Рамиль тут же дал по коробке, и плавно прибавил газу. Танк дернулся и медленно пополз, утягивая за собой покалеченную БМП. Бронированная машина, не побежденной, уползала с линии огня противника, под прикрытие бетонных, некогда жилых, домов.

– Спасибо, мужики! – услышал Саша радостно-усталый мужской голос в наушниках своего шлемофона...

В этот день, ребята-танкисты подарили шанс выжить мужикам из подбитой отчаянной машины. Сашка, подарил им этот шанс. Простой двадцатилетний русский парень, который не бросает своих в беде, потому что, так с детства учили его.

Незина Екатерина Николаевна – родилась в 11 марта в городе Брянск. Окончила Брянский государственный технический университет (БГТУ), факультет Экономики и управления. Живёт и работает в Брянске.

За вас, родные...

Солдат с трудом приоткрыл глаза, но ничего, кроме серого едкого дыма, не увидел, и веки снова сомкнулись. В голове звенело, тело не слушалось. «Может, я уже того... помер?», – пронеслось в голове... Толчок снизу, сверху на лицо холодными колючими брызгами падала грязь. «Жив, тудыг-твую-растудыт, Захар Матвейч: на том свете грязью в лицо не кидаются», – понял он и попытался пошевелиться. Из каски на шею вываливалась земля, вдохнуть получилось лишь наполовину. Руки заныли, прорываясь наружу из тяжёлой грязи. Зажатый в правой автомат словно прирос к предплечью, а вот ниже груди завалило на совесть – не вытащить.

– Братцы... Сынки... Ротный... – никого вокруг...

Как он оказался в этой яме? И где остальные – непонятно. И почему так тихо, когда земля вздрагивает от взрывов? Он сглотнул, пытаясь убрать заложенность: звон в ушах никак не прекращался. Рука непроизвольно прижала и резко отпустила ухо, как на речке после долгого ныряния, только вместо воды по ладони бежала тёплая струйка крови. Контузило, значит... Ничего, бывает... Солдат попробовал откопаться каской, да только это то же, что воду решетом носить: грязь, похожая на болото, сразу же затекала туда, где он секунду назад её зачерпнул. «Вот угораздило же! И зацепиться не за что». Он рвался из трясины изо всех сил, умом понимая, что это

просто воронка, а не топь, которая затягивает сильнее, если дёргаться. И всё же выбраться не мог. Ног он не чувствовал. Силы ушли, и плотной пеленой заволочло сознание.

...Сквозь туман босиком по траве шла его Дуся с ведром молока в руке: совсем молоденькая, круглолицая, с белёсыми, еле заметными бровями. Косынка почти сползла, русые волосы выбились из-под неё и прилипли к влажной шее. Край передника почему-то заткнут за пояс, а завязки на воротах развязались, и грудь колыхается при каждом шаге.

– Ты куда молоко-то понесла? Федьке с Кирюхой не достанется, они ж без него совсем расти перестанут, и так пацанята прозрачные...

– Так ведь им же. Вон, гляди: эти пострелята уже хлеб несут...

Повернулся – и правда: бегут его сорванцы навстречу мамке, как одуванчики светятся в солнечных лучах, смеются... Обернулся на Дусю, а её и след простыл, и сынишек не видать, только смех их да голос матери...

От яркого света Захар очнулся, незнакомые молодые солдатики уже выволокли его из воронки и что-то кричали, но что – он не слышал за противным звоном, заполнившим голову. Тупая боль толчками прорывалась сквозь вату от головы к онемевшим ногам. Солнце слепило, и он видел лишь силуэт молоденькой медсестрички, время от времени поднимающийся тёмным пятном. Боль пульсировала всё сильнее, и он снова провалился в пустоту.

...Противный рёв паровозного гудка, клубы пара из-под колёс... Поезд, который увозил сыновей на запад. Последние слова на подножке вагона, долетевшие сквозь гул:

– Бывай, батя! – пробасил старший коренастый Фёдор с тяжёлым отцовским взглядом. Прошлой осенью он вернулся из армии.

– Мать береги, – крикнул младший худощавый Кирилл, по-детски морща нос и щурясь на солнце.

Захар удержал Дусю, её, как бычка на верёвке, тянул за собой уходящий поезд. Она обмякла, уткнувшись лицом в его плечо, уже горько рыдая, не в силах совладать с собой. Как мог сдерживал он подступившие слезы и давил ком в горле, а вокруг набирал силу бабий вой, в котором терялся стук колёс и гудок уже где-то вдали...

Перед глазами беспорядочно плыли круги, вызывая приступ тошноты. Еле разлепив веки и сфокусировав взгляд, солдат различил на фоне серого неба то появляющееся, то исчезающее лицо девчонки. Чумазая, с перекошенным ртом, в пилотке и с косичками. Рывок, ещё рывок – упрямо тащила она тяжёлого солдата. А тот поднимал голову и снова ронял её. Что ж так гудит-то? Ах, контузило же... Да нет – всем телом гул этот ощущается. Дрожит земля всё сильнее. А сознание снова уходит.

...Баба Маня что-то ворчала себе под нос в сених, а Захар свесился с печки и во все глаза смотрел на высокую стопку блинов, заботливо прикрытую полотном, рядом на столе стояла крынка утreshнего молока. Через мгновение пацан уже запихивал блин в рот, виновато поглядывая в красный угол, наспех перекрестился, глотнул молока и выбежал из дома, пока бабка не заметила. Степан уже поджидал его за огородом, и они пустились вниз к реке. Рыбы надёргали хорошо, Стёпка ещё к рачевням пошёл, а Захар домой скорее, бабке улов отдать – глядишь, к приходу матери уху стготовит. Возле дома стояла подвода, в животе заурчало не то от голода, не то от страха... Баба Маня в слезах встретила внука, крепко взяла за руку и в дом не пустила.

– Нет больше мамки твоей, Захар. Не ходи туда пока, погоди... – и она прижала его голову к себе. Мальчишка прерывисто задыхался, быстро переводя взгляд на дверь и обратно, но баба Маня держала крепко и молча покачала головой. Её привычный запах смешивался с запахом рыбы, и от этого Захар почувствовал, что его мутит. Он зажмурился и уткнулся головой бабке в передник, отчего-то казалось, что если спрятаться от запаха рыбы, то всё будет хорошо, бабка пахла домом. Домом, куда всегда вечером возвращалась мама...

Солдат пришёл в себя... нет, это не в бабкин передник он уткнулся, это девчонка, прошитая пулями, упала на него. С трудом приподнявшись, он увидел её мёртвые глаза. Да ей хоть шестнадцать-то исполнилось? Снова упал без сил, отдышался и попробовал повернуться на бок. Колени обожгло огнём, старик застонал, и рука непроизвольно потянулась к больному месту... Ног не было. Бинты, которыми были замотаны культы, пропитались насквозь бурой кровью. «Отвоевался, значит... – пронеслось в голове. – Коленей нет, а болят, вот ведь...» И прежде, чем снова провалиться в забытие, краем глаза увидел метра в трёх убитого солдата. Он лежал лицом вниз с дорожкой от пуль на гимнастёрке. В руке связка гранат.

...Захар был одним из первых в деревне, кто освоил трактор. Техника, управляемая рычагами, не пугала его. Мало того, разобрался с устройством он быстрее молодёжи и скоро уже не хуже специалистов-механиков ремонтировал железных коней совхоза. Но и сам управлял, конечно, с удовольствием. Грохот дизеля для Захара был песней, в которой он слышал каждую неверную ноту, издаваемую забившейся форсункой. Вибрация тоже имела свои лады, понятные только ему, как музыканту, который слышит фальшь там, где обычный человек ничего не заметит...

Танк. Где-то рядом танк. Эта мысль гвоздём пробилась сквозь пелену тумана и заставила вынырнуть на поверхность. Вибрация, которую он ощущал, означала именно это. Собрав остатки сил и сфокусировав взгляд, Захар увидел его – вражеский, с крестом. Башня повернута, а движется сюда. Ещё раз нашёл взглядом убитого солдата. Всего ничего, а как ты доползёшь без ног... Дрожь во всем теле усиливалась, да и без того Захар понимал, что осталось ему недолго: сколько крови он потерял – неизвестно. «Врёшь, за дарма не возьмёшь... не на того напали... сдюжу, терять мне уже нечего, а на эти метры сил хватит... лишь бы снова не отключиться», – и он зацепился взглядом за связку гранат, как за единственный крючок, который ещё держит его на этом свете. Только туда: как крот, он впивался ногтями в землю и подтягивал себя на руках, цепляясь за траву и за всё, что попадалось на пути. Когда пелена снова настигала, тёр лицо рукой и бил кулаком в челюсть. И полз дальше. Три метра оказались бесконечными. Танк приближался куда быстрее.

В тот момент, когда солдат всё-таки сумел дотянуться до связки, тяжёлая громадина была уже над ним. Погибший парень, что не успел метнуть гранаты, исчез под гусеницей, а самого Захара закрутило и перемешало с землёй. Казалось, танк разворачивался на нём. Но раз ему это казалось, значит он всё-таки жив. «Господи, дай мне успеть, больше ни о чём не прошу...» Он вспомнил, как хоронил свою вмиг поседевшую добела Дусю на следующий день после того, как почтальон Зина принесла две похоронки; как просился на фронт, ибо иначе жить дальше было невыносимо; как без счёта стрелял немцев, ни разу не пожалев никого из них. И сейчас, коли уж пришёл его черёд, Захар Матвеич даром свою жизнь не отдаст.

Его вынесло как раз позади танка, и последние силы вложил солдат в этот бросок. «За вас, родные...»

Бéзрук Игорь Анатольевич – родился в г. Первомайске Луганской области. Окончил Харьковский авиационный институт. В поисках реализации себя освоил множество не совмещающихся профессий: плотника и каменщика, грузчика, кузнеца и инспектора пожарной охраны, закройщика мягкой мебели... Публиковался в различных периодических изданиях Москвы, Киева, Риги, Вильнюса, Владимира, Иваново, Атланта (США). Автор нескольких книг прозы. Живёт в Иваново.

Призрак из прошлого

*Светлой памяти моего дяди,
Марусика Дмитрия Андреевича*

Иван Кондратьевич Тропинин пристально всматривался в ночь сквозь окно вагона, слегка белесое от внутреннего света. Поезд подъезжал к Н. Одна за другой вдоль невидимой во тьме линии пути быстро побежали другие ветки с бесконечными пузатыми цистернами и голыми платформами, потянулись мрачные силуэты первых пакгаузов, появились высокие, яркие, многоглазые, словно Аргус, фонари, напоминающие о конце следования.

Когда мимо промелькнуло кособокое кирпичное здание старого вокзала, переоборудованное в диспетчерскую, Тропинин со вздохом оторвался от окна и стал аккуратно застегивать «молнию» ветровки – даже в душные летние ночи на пороге восьмидесятилетия он сильно зяб и болезненно реагировал на перепады давления и температур.

Он ехал к сестре, которая была старше его на двенадцать лет. В последнее время каждый год ей казался последним, и каждый год она умоляла его в длинных корявых вымученных письмах приехать к ней «свидетелься», так как она опасается, что не успеет проститься с ним перед смертью. Тем не менее, понимая, что опасения эти не беспочвенны, Тропинин каждый раз откладывал поездку, чувствуя, что и сам давно еле на ногах стоит, и еще неизвестно, кто из них раньше уйдет на тот свет: он все-таки прошел войну, побывал в концлагере, здоровья ахнул – не приведи Господь. Но жена после очередного слезного письма золовки сказала: «Езжай, проведай бедолажную, кто знает, что завтра будет», – и он в конце концов уступил, поехал, как всегда на перекладных, с промежутками (долгое сидение на безлюдных глухих полустанках), с прибытием в Н. поздней ночью.

С Н. его связывало многое. Родители переехали сюда, когда ему исполнилось девять, здесь он окончил школу, отсюда его, безусого паренька, забрали на фронт, отсюда после возвращения с войны Тропинин подался на Донбасс, на заработки. Сестра осталась в родительском доме. На Донбассе он женился, осел, пустил корни и в Н. приезжал теперь изредка, раз, может, в три-пять лет, пока были живы родители. Со времени последней поездки прошло, наверное, не менее десяти, а то и пятнадцати лет, – его все меньше и меньше тянуло в Н. – нить памяти, связующая с этим местом, стала постепенно стираться, яркие впечатления детства и юности увядать. Вот и сейчас Тропинин сошел с поезда на сырую платформу перед входом в вокзал (лил дождь?), и сердце его ни на секунду не екнуло. Вокзал как вокзал, он сотни подобных перевидал на своем веку, десятки брал штурмом во время сражений. Его больше не волновала ни монументальность, ни оригинальность здания, что было скорее всего следствием все той же «стертости» воспоминаний, а может, усталости, которая охватывала его в последнее время всякий раз, когда он тащился куда-нибудь (как сейчас за тысячу километров) без особого желания, по принуждению, из необходимости.

Какая там душевная близость, по-настоящему Тропинин никогда и не знал сестру. Не знал и не понимал, – слишком велика была у них разница в возрасте. Для него она всегда оставалась лишь второй матерью, вылитой копией первой, только посвежее и помоложе...

Вслед за толпой, полусонно высыпавшей с поезда, Тропинин неторопливо потянулся к вокзалу. На удивление, народу из него выходило больше, чем входило. Насколько Тропинин помнил здешнее расписание, отходящих поездов в эту пору в течение часа не предвиделось, может, пустили новые, о которых он ничего не знал?

Он потоптался, ежась от сумеречной прохлады, у входа, пока наружу не высыпали все зазевавшиеся, потом протиснулся сквозь узкий, но высокий – потолок метров в пять–шесть – пенал входного тамбура и оказался внутри громадного вокзала, макушку которого венчал массивный, красочно расписанный после войны, купол.

Вдоль нижнего края, по кругу, шла фреска с изображением праздника Победы. На фреске сияющие от счастья розовощекие женщины в объятьях мужей, сыновей и братьев в гимнастерках (прокуренные, обветренные лица, лихие вихры, широкие груди в орденах), улыбающиеся дети на руках отцов, пестрые охапки цветов, взлетающие к небу букеты и шапки, и в самой вышине, в центре купола, как апофеоз Победы, – разорвавшаяся всеми красками радуги пышная хризантема салюта.

Послевоенная фреска чуть потускнела, но по-прежнему привораживала нетрафаретным сиянием лиц и мастерски переданной атмосферой ликования.

Тропинин хорошо запомнил день, когда впервые услышал слово «победа». Сердце тогда готово было разорвать грудь. Радости действительно не было предела. Как у ликующих на этой фреске. Однако сейчас он не стал сосредоточиваться на изображении – усталость давала о себе знать, – а

сразу направился к выходу, чтобы поскорее взять такси, добраться наконец до сестры и отдохнуть.

Парадный вход в вокзал оказался перекрыт, и объявление, вывешенное на массивных деревянных четырехметровых дверях, гласило, что выход из вокзала осуществляется через перрон. Так вот почему так много выходило людей, подумал Тропинин и, развернувшись, с кучкой таких же, как он, зевак, пристроился к хвосту выходящих.

Впрочем, на платформе нужно было только завернуть за угол и пройти наискосок от вокзала метров сорок–пятьдесят: там находился небольшой крытый автовокзал и недорогое такси – таксисты возле вокзала драли по семь шкур. Но Тропинин не успел даже вывернуть из-за угла, как на него обрушилась лавина разнообразнейших звуков, приглушенных, видимо, самим зданием вокзала там, позади.

Парадный вход в вокзал оказался слегка подсвечен снизу мощными прожекторами, от подсветки центральные дорические колонны казались еще громаднее. И что всего поразительнее – подумать только! – в промежутках между колоннами с самого верха спускались вниз длинные кроваво-красные кумачи с нацистской свастикой в центре (в ярких лучах направленных на них прожекторов они особенно резали глаза, давили, будто источали кровь). Привокзальная площадь буквально кишела нацистами в черных кожаных плащах с повязками со свастикой на руках, мотоциклистами, снующими взад–вперед из тени в свет и обратно, фашистами со «шмайсерами» на груди и с оголтелыми овчарками на поводках. В окружении тьмы ярко освещенный привокзальный пятачок притягивал к себе всех, как магнит.

Ошарашенный Тропинин машинально потянулся к толпе, глазающей на диво-дивное, пробился в первый ряд, и тут же на него шквалом обрушился треск допотопных мотоциклов, лай неугомонных овчарок и отрывистая прокламационная немецкая речь, раздающаяся из динамиков. Не может быть – война ведь давно закончена!

Тропинин с ужасом наблюдал за всем, не понимая, что здесь творится. Вид происходящего будто вывернул его наизнанку, вытащил изнутри глубоко, казалось, загнанные воспоминания, в которых соседствовали и гестаповцы в черных плащах, и солдаты в серой униформе, и лютые немецкие овчарки.

Оцепление из солдат с собаками стояло всего в нескольких метрах. Овчарки, уставшие и заведенные, не сидели спокойно возле ног хозяев, перелаивались, и нервный лай их, не прерывавшийся ни на минуту, смешавшись с треском мотоциклов и истеричными возгласами из динамиков, будто вырвал Тропинина из настоящего и перенес на несколько десятков лет назад в грозный сорок второй. Прошедшее ясно предстало перед глазами.

Тропинин в немецком концлагере, в бесформенной полосатой робе, на раскаленном плацу с сотней таких же, как он, безликих, обреченных на смерть, высушенных до состояния мумии, вшивых, лысых, небритых, с номерами на груди и запястьях, с потухшими глазами и сжавшимися в комок окровавленными сердцами. Вокруг ежистая полоса колючей проволоки, черные мрачные вышки с пулеметчиками и охранники со специально обученными для травли людей овчарками, готовыми по первой команде наброситься на любого. Уши забиты смесью бравурной музыки, летящей из каждого динамика на столбе, и истошного лая собак.

Сегодня с утра их не погнали в каменоломню, хотя подняли раньше обычного, криком, хаем, ударами прикладов по пяткам. Полусонные, голодные, злые, они, как полоумные, срывались с нар, толкаясь, трусили к выходу, торопливо высыпали из мрачных бараков на холодный туманный лагерный двор и замирали на широком плацу, поникшие, выжатые, ко всему глухие, их уже нечем было удивить – в голове больше не возникали вопросы, голова навсегда, казалось, очистилась от

мыслей.

Часов пять их продержали на плацу без воды, без пищи, без объяснений. Но кто был здесь подольше, в ком еще, на удивление, тлел слабый огонек жизни, знали, что так бывает каждый раз накануне жуткой показательной казни. Чтобы не забывали, чтобы помнили! Каменоломня еще свое получит, камень никуда не денется, а вот сердце человеческое каждый день надо жечь, давить, кромсать и резать, чтобы оно стало жестким, твердым и бездушным. Чтобы человек превратился в зомби, тупое и безразличное животное, исполняющее простые механические операции: поди, возьми, принеси, убей. Не задумываясь, не сомневаясь. Впрочем, объяснения были ни к чему. На плацу перед ними двое военнопленных, которые пытались в это холодное сизое утро бежать. Они думали – их задумка останется втайне; они думали – горячее желание свободы придаст им сил, но их быстро поймали (слепая личина Рока!), жестоко избили, вернули обратно, полузрячих, разбитых, опустошенных. Теперь они едва стоят на ногах в тупом ожидании близкой неминуемой смерти.

Тропинин видел, что бывает с такими лихачами. Они – нет. Они надеются на легкий конец – свинцовую пулю в затылок. Но их – Тропинин знает! – ждет смерть помучительнее. Так и стоят горемыки друг против друга, ждут напряженно, когда все закончится, и молят Бога только об одном – чтобы закончилось как можно быстрее. Стоят с последней слабой каплей надежды, глаза в глаза, боль рядом с болью и отчаянием.

Но вот приближается время обеда, из толпы уволокивают за бараки не выдержавших долгого стояния (глухой выстрел, секундная пауза, снова сухой щелчок), и наконец из двухэтажного выбеленного до голубизны каменного здания комендатуры весь сияющий чернотой – вычищенные до блеска высокие яловые сапоги, эсесовский мундир под длинным кожаным плащом – появляется сам герр комендант: лоснящееся, начисто выбритое щегольское лицо с тонкой ниткой темных усов над узкой жесткой верхней губой, монокль на правом глазу, глубокий шрам над левой бровью, тонкий стек в руке, затянутой в кожаную перчатку.

Длинный, напыщенный, комендант неторопливо приближается к месту казни, вяло взмахивает стеклом, и разъяренная свора голодных собак, только и ждавшая команды, быстро срывается с места и с яростью в мгновение ока набрасывается на несчастных беглецов, вонзая острые клыки в ляжки и икры, плечи и спины, вырывая зубами куски мяса и сразу же проглатывая их.

К вьезшейся в печенку музыке и лаю не задействованных в казни собак примешиваются ужасающий хруст человеческих костей, собачье чавканье и безумные вопли обреченных. Как все перенести?!

Тропинин видит ощеренные злобные морды овчарок, перекошенные страхом и болью лица смертников и старается пропустить все мимо себя – равнодушие в таких случаях помогает выжить. Но сцена казни беспощадной пиявкой всасывается в мозг, и мозг не выдерживает. Перед глазами Тропинина все сразу темнеет, и он проваливается в небытие...

Очнулся Тропинин в больничной палате (белый потолок, зеленые стены). Недоуменно посмотрел вокруг, попытался вспомнить, что с ним случилось. Кажется, он ехал к сестре. Была тяжелая душная ночь, затхлый переполненный народом вагон. Его чуть не замутило от духоты, кто-то протянул нашатырь, вывел в тамбур на воздух... Нет, это все не то. Он все-таки благополучно добрался до Н. Помнит, на платформе в темноте блестели лужи, народ тянулся в здание вокзала, а потом...

Его размышления прервал вошедший в палату небритый весельчак лет шестидесяти в застиранной больничной пижаме. Увидев, что Тропинин пришел в себя, снисходительно улыбнулся и сказал:

– Что, приятель, очухался? Мы все тут за тебя переволновались.

Тропинин в знак согласия слегка кивнул головой и в свою очередь спросил:

– Что со мной случилось? – ему просто необходимо было восстановить все в памяти.

– С тобой, что ли? – продолжая улыбаться, переспросил сосед. – Да ты, брат, говорят, на привокзальной площади потерял сознание; припадок у тебя случился, понял? Увидел, что снимается кино, и воспоминания, видать, вышибли из седла.

Тропинин поверить не мог.

– Кино? – спросил так, будто смысл этого слова стерся из памяти.

– Кино, конечно. А ты что думал – прошлое вернулось?

Только теперь до Тропинина дошло. И нацистские флаги между колоннами, и мотоциклисты, и эсесовцы с овчарками – всё было на привокзальной площади неспроста, бутафорское, только удвоенное, утроенное промозглыми сумерками и мучительными воспоминаниями, но если бы кто сразу сказал, если бы кто заранее предупредил, что здесь снимается кино, сердце его тогда, может быть, отреагировало не так болезненно.

Тропинин отвернулся к стене. Еще несколько лет назад казалось, что ужасное прошлое оставило его, наконец, в покое. Как он ошибался! Призраки не были бы призраками, если бы иногда не возвращались!

Тропинин устало закрыл глаза и плавно погрузился во тьму – хотелось все забыть и хоть немного отдохнуть. Но не пришлось. Стук тяжелых кованых сапог и грязная немецкая брань заставили распахнуть глаза. Над Тропининым нависла разъяренная физиономия гестаповского офицера в черном.

– Руссиш швайн, шнель, шнель! – дико заорал гестаповец, грубо схватил Тропинина за шиворот и рывком стащил с больничной койки.

Охранники мгновенно подхватили ничего не понимающего Тропинина под мышки и быстро потянули к выходу. Он успел заметить только оторопелое лицо соседа по палате.

Его вытащили из санитарного барака, и поволокли вдоль длинного строя заключенных на плац.

В центре плаца, потупившись, опустив угловатые плечи и длинные высохшие до костей руки, уже стоял один осужденный. Тропинина сначала кинули рядом с ним, потом ударами сапог и прикладов заставили подняться. Так они и стояли двое в ожидании своей незавидной участи. Тропинин мог только догадываться, что будет с ними. Ему стало страшно, так страшно, что, казалось, сердце сжалось до размеров молекулы. К тому же, когда его тащили вдоль строя, Тропинин успел заметить во втором ряду свое лицо! Худое, обветренное, с черными ввалившимися глазами. Но поразительно было не это. Поразительно было то, что глаза его – другого – ничего не выражали, смотрели равнодушно, с полным безразличием, с пустотой!

Свора раззадоренных овчарок бешено рвалась с поводков, что-то визгливо громко выплевывал в строй черный комендант, и Тропинин почувствовал, что ему пришел конец, что больше он не жилец, стоит только солдатам отпустить поводки. Тропинин знал, как реагируют на подобные команды собаки, не раз видел, что остается от человека после такой экзекуции. И слабая надежда, скрывавшаяся где-то в самом дальнем уголке сжавшегося в микроскопический комок сознания, вдруг мелко-мелко затряслась. Охранники спустили разъяренных собак. Тропинин в отчаянии дико

закричал и... проснулся.

Возле него стояли больные и маленькая испуганная медсестричка с наполненным лекарством шприцем в руке.

– Вот так кино, – услышал Тропинин рядом с собой голос соседа, и произнесенное слово, как никакое другое, несказанно обрадовало его. Значит, все страшное осталось позади, и он, слава Богу, жив, и, слава Богу, жива его память, которая, Тропинин крепко верил, не даст больше кошмарным призракам из прошлого вернуться. Никогда!

Зайцев Николай Петрович – родился в 1950 году в г. Талгаре, Алматинской области Казахстана. Печатался во множестве литературных журналов Казахстана и России. Лауреат нескольких известных литературных форумов и премий. Руководитель творческого объединения «Вершины Талгара».

Член Союза писателей Казахстана и России. Живёт в г. Талгаре.

Осветление души

Витька проснулся от настойчивого стука в дверь. Он повернул голову в сторону звуков, доносившихся с лестничной площадки, втайне надеясь, что если шумно не двигаться, тогда стуки прекратятся сами собой. Вчера с друзьями, после удачной работы на рынке (разгружали фуры с китайским товаром и неплохо заработали), хорошо погуляли прямо тут же у него в квартире. Голова трещала по швам, и двигаться не хотелось, и желания видеть кого-то не возникало. Когда-то Витька был классным сварщиком, имел постоянный заработок, но в стране случился бардак, мамаша его, с которой проживал, в этой самой квартире померла и, оставшись один на всём белом свете, он пустился во все тяжкие – стал работать грузчиком, выпивать и как следствие этого думать только об одном дне своей будущей жизни. Вчерашний день бесследно минул, а сегодняшний начинался неудачно – все деньги пропиты вчера, а в дверь стучали не переставая. Он поднялся и пошёл открывать.

На площадке толпились соседи, он их плохо знал, лишь иногда видел и здоровался. Вперёд выступила деbeatая соседка – тётя Вера, что всегда приоткрывала свою дверь, когда он приходил домой, и знала всё и обо всех:

– Нужно дверь открыть, – она показала на дверь соседней квартиры. – Сосед уже третьи сутки не выходит. Помер, поди, а узнать некому.

– Полицию надо вызвать, они и разберутся, – ответил Витька, в душе радуясь, что сбор соседей произошёл не по поводу вчерашней шумной попойки у него в квартире.

– Пока они приедут, он уже вонять начнёт, – она подала ему монтировку, неизвестно откуда вынутую. Делать было нечего, и Витька решился поработать взломщиком по просьбе общественности. Дверь оказалось ветхой, и быстро подалась, и соседи гурьбой ввалились в помещение. Квартира была обставлена старой мебелью, а на диване ничком лежал тот самый старик, что поселился здесь полгода назад, а вот почему это произошло, никто не знал. Знали, что сюда привёз его сын, заселил в пустующую до той поры квартиру, а сам исчез и больше не баловал отца своим присутствием. «Так я и знала, – объявила тётя Вера. – Теперь начнутся допросы, успевай отвечать». Витька подошел к дивану и попытался повернуть тело. Старик тихо застонал. «Живой, надо скорую вызывать», – скомандовала соседка.

Скорая приехала быстро, даже не все соседи успели разойтись. Доктор, навсегда прикрывший лицо маской пессимизма, осмотрел старика, сделал укол и, будто исполняя нудную, чужую работу, промолвил:

– Сильная простуда. Вот рецепт, купите лекарства, пусть пьёт три раза в день.

– Так вы его в больницу возьмите, здесь за ним некому ухаживать, – резонно заметила соседка.

– А медицинский полис у него есть? – спросил врач.

– Откуда мы знаем. Он сам недавно здесь появился, – наступала тётя Вера.

– Найдёте страховку, звоните, приедем, заберём, – отвечал врач, будто разговор шёл о старой мебели. Витька с бодуна плохо соображал, но понимал, что старик остаётся и помочь ему некому потому, что все соседи исчезли вслед за доктором. Он зачем-то посмотрел рецепт – ничего не понял и пошёл к себе. Прохаживался по комнате, потом принял душ, выбрился, пока не понимая, зачем он

всё это делает – на рынке приняли бы и такого, как есть. Что-то не давало ему покоя, он думал о старом человеке, которому нужна помощь, но некому помочь. Витька переоделся и пошёл к старику. Тот лежал на спине, прикрыв глаза, и дышал с хрипом.

– Отец, – позвал Виктор и когда тот открыл глаза, спросил. – У тебя деньги есть? Лекарство надо бы купить. – Старик глазами показал на шкаф и чуть слышно прошептал:

– Там в кармане, в плаще. – Витька открыл шкаф, увидел старенький плащ военного образца и нашел в кармане платок, куда были завернуты деньги. «Негусто, – подумал он, а больному сказал, – Ну, я в аптеку», – и сразу вышел.

Аптека находилась за углом соседней многоэтажки, их нынче расплодилось много, и все были доверху заполнены лекарствами – выбирай на всякий вкус, от любой хвори, а в недавнее время простой аспирина нельзя было сыскать. С такими мыслями он вошел в аптеку и подал в окошечко рецепт. Девушка неласково осмотрела клиента (видимо недобрился и перегар ещё не выветрился), потом глянула в рецепт и спросила:

– Вам всё, что здесь указано?

– У деда сильная простуда, как посоветуете?

– Антибиотик обязательно нужен и сердечное средство раз человек старый, – определила она. Принесла лекарства, а Витька, будто извиняясь, протянул ей все стариковские деньги.

– Здесь не хватает, возьмите что-нибудь одно. Антибиотик нужен, а это лекарство потом купите, но средство очень хорошее, укрепляет организм. Моей маме очень помогло. Настоящее лекарство, немецкое, – она выдала сдачу и коробку с лекарством, на которое хватило денег.

– А сколько это немецкое стоит, – зачем-то спросил Витька. Девушка назвала такую сумму, что он понял – надо пару дней работать на рынке и только в случае удачи можно такие деньги выручить.

Вернувшись домой, он первым делом пошёл к соседу и дал ему таблетку, воды. Показал сдачу и открыл шкаф, чтобы положить деньги на место. Наверное, он как-то неловко искал карман, но плащ сполз вниз, а под ним взгляду открылся парадный дедовский френч, сплошь увешанный орденами и медалями. В глаза, будто огнём полыхнуло, захотелось зажмуриться. Витька некоторое время стоял, как замороженный, потом торопливо прикрыл плащом геройские награды, положил на место оставшиеся деньги и пошёл к себе. «Это ж надо рядом живёт воин-герой, а его даже в больницу не берут. И никто об этом не знает, – думал он и, вдруг его осенило. – Но он то, Витька, знает. Ну что ж, что алкаш, сердце у всех одинаковое, болеть должно о ближних своих. От соседей ждать нечего, на базаре тоже таких денег не соберёшь, а лекарство купить надо, аптекарша сказала, что хорошее, немецкое, – и тут же осёкся в своих мыслях. – Дед как раз с немцами и воевал, а теперь на их медикаменты его победителя денег не хватает». Витька опять зашагал по квартире в поисках выхода из положения. Он зашёл на кухню и тут же обнаружил выход – взгляд его упал на старинный самовар – семейную реликвию – стоящий на шкафу под самым потолком. Этот самовар давно просил продать знакомый мужик из соседнего дома, который иногда заходил к нему по-тихому выпить, а деньги предлагал хорошие. Тогда Витька не соглашался, хотя самоваром не пользовался, но продавать память о родителях и дедах не желал. Но, видимо, время пришло, и он отправился узнать дома ли покупатель. Тот сразу же пришёл, выложил деньги и забрал самовар, хотел тут же обмыть желанную покупку, но хозяин от выпивки отказался.

Витька явился в аптеку, будто совсем другой человек – уверенный и краткий в разговоре. «Девушка, мне дайте лекарство, которое вашей маме помогло. Вот деньги», – он выложил на прилавок

означенную ранее сумму. По пути домой зашёл в продуктовый магазин, купил хлеба, молока и, немного подумав, взял курицу, картошку и вермишель, чтобы сварить соседу суп. Вспомнил, что мама всегда говорила – первое дело от простуды горячий куриный бульон. Безразлично минул прилавок со спиртными напитками, даже разноцветные бутылки с пивом не привлекли его внимание. Все мысли поглотила забота о соселе фронтовике.

Поставив варить курицу, Витька занялся уборкой. Давненько он не готовил и не кушал дома, а уборкой совсем не занимался. Пока убирал на кухне, взмок от напряжения похмельных сил, но справился с задачей, хотя пришлось вынести гору грязи и мусора. К тому времени суп сварился. Накормив старика супом и дав дозу лекарства, Витька успокоился, покушал сам, а потом продолжил уборку территории. На следующий день он продолжил занятия по уходу за больным стариком, тот уже охотно разговаривал и рассказал свою историю. После ухода на пенсию и смерти жены, он переехал жить в деревню, где купил дом. Жил огородом и садом, держал курочек и козу, но те благодатные земли приглянулись крупным бизнесменам, и они по каким-то волчьим законам скупили всё вокруг, вместе с домами, реками и лугами. Сюда его определил жить приёмный сын, который и получил компенсацию за его дом и землю. Просто перевёз сюда умирать. Грустно было слушать исповедь одинокого старика, но от его слов ещё больше и неразумнее показалась Витьке его собственная неустроенность в жизни. Он посчитал деньги, вырученные от продажи самовара, и решил, что на пару недель хватит, а потом надо найти постоянную работу и завязать пить.

В конце недели, вечером к нему в дверь постучали. На пороге стоял Михалыч, бригадир артели, где Витька когда-то трудился. Он без приглашения вошёл в дом, осмотрелся и сказал:

– Ты я вижу того, в порядке. Нам сварщики нужны позарез. Работы на сто лет, заработок стабильный. Обещаю. В понедельник приходи, – и он положил на стол визитку.

– Да я того..., – начал, было, Витька, но Михалыч сразу уловил его мысль:

– Неделя на переподготовку, а там за работу. Голова есть, а руки навыки вспомнят.

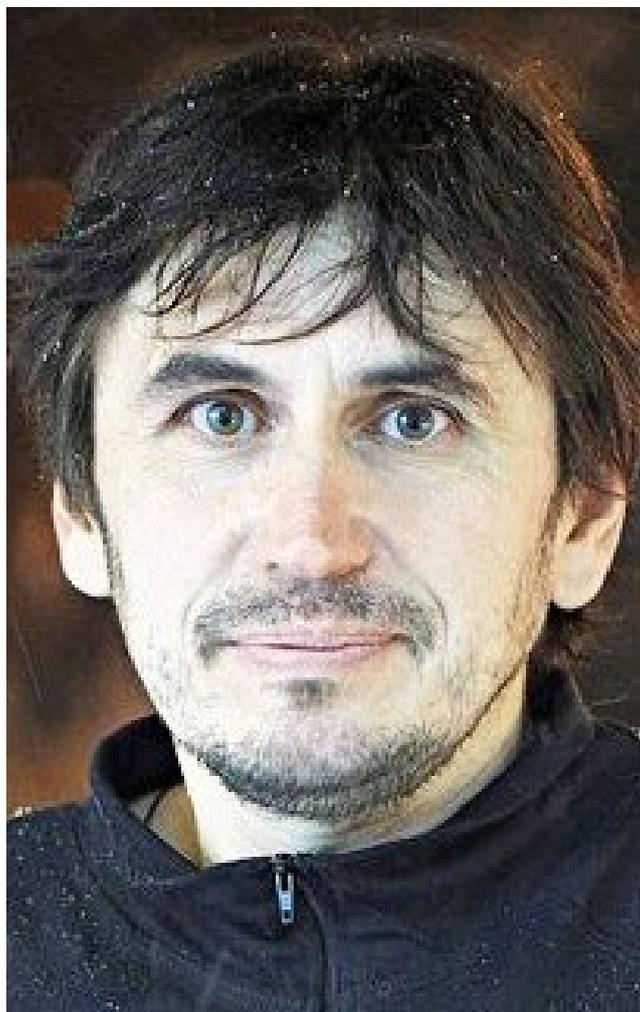
– Михалыч, тут у меня сосед, фронтовик, болеет он, не могу его одного оставить, – вспомнил Витька.

– Пойдём, показывай своего героя, – чуть иронично приказал бригадир. Но когда Витька распахнул шкаф в комнате соседа и показал награды, Михалыч смачно выругался в адрес сразу всей медицины и власть имущих, схватился за телефон. После короткого разговора и уточнения адреса, он сказал:

– Сейчас доктора приедут, осмотрят деда и заберут в нашу больницу лечить. У нас на фирме всё своё и больница тоже. Будем жить дед. Не всё ещё на земле плохо, а мы в обиду тебя не дадим. Да, Витёк, – и он так хлопнул Витьку по плечу, что тот даже присел. Он проводил Михалыча, опять зашёл к соседу, чтобы подождать докторов, присел у его изголовья и подумал: «А, правда, ведь, не всё так плохо на Земле, если жить по-человечески».

Заречанский Станислав – родился в 1969 году в городе Новосибирск. Окончил Алтайский Государственный Институт Культуры и Искусства, факультет Художественного творчества. Работает в Новосибирском Государственном Техническом Университете режиссёром студенческого театра эстрадных миниатюр. Фотохудожник. Поэт. Сценарист.

Живёт в Новосибирске.

Позывной: «Удача»

Первым ополченцам посвящается...

Павел не сразу попал на фронт, которого официально не было. Но никакая сила не смогла остановить его, видя как истребляют русский народ. Он просто не смог это все терпеть. Сначала были сайты, в которых он принимал участие, пытаясь воевать на фронтах информационных войск, не понимая, что тысячи и тысяч информаторов, бойцов диванных войск, также пытаются развалить Россию изнутри. Кажется, он ухудшил свое зрение, сидя ночами за компьютером.

Осталась переписка. Это тоже была война. У него и НИК был – «Павел Обской». Потому что жил на

Оби в пригороде Новосибирска.

Затем было желание попасть на Донбасс, но набора не было. Были добровольцы-миротворцы.

Позывной «Удача»: С прибытием в ополчение! Откуда?

Павел: Сибирь

Попутчик: Воронеж!

Удача: (Водителю) Ты нахрена мне их притаранил! На нас сейчас танки пойдут! Пост временно оставлен будет!

Водитель: Так, я что... мне сказали брешь заткнуть. Чем? Восьмую роту полностью вырезали.

Позывной «Удача»: Стрелять умеете? Кстати, ты мой земляк!

Павел: Смотря из чего? А ты откуда? Или вы?

Попутчик: Я в армии служил, в стройбате...

Позывной «Удача»: Уважаемый дядя! Тебе сколько лет!

Попутчик: Вы со мной так не разговаривайте, сорок пять молодой человек и у меня два высших образования.

Позывной «Удача»: Хорошо! Вот вам лопата саперная. А ты? Вы? Я из Новосибирска.

Павел: Военнообязанный. Кафедра в университете. Лейтенант запаса. Опыт в грузино-абхазской войне. Я из пригорода.

Позывной «Удача»: Охота на медведя... (ерничает, расчет на блок посту смеется)

Павел: Было... Не ходил, но видел – лицом к лицу.

Бойцы блок-поста: Тогда ему сало еды не страшны! (смеются)

Позывной «Удача»: Отставить! Или хотите, чтобы я вас к ним прицепом?

Бойцы: Удача! Мы пошутили! Нас итак трое из двадцати осталось... Дай хоть передыху...

Позывной «Удача»: Ладно! В общем так, вот вам лопата, автомат и граната... Рацию могу дать.. В общем вас сейчас отвезут вот на тот рубеж – видите мостик через речушку... Как эти отморозки начнут наступать... или услышите взрывы или стрельбу... Прячетесь... но под мостом. Из ложбины не вылезать... Мины кругом...

Павел: Разрешите вопрос?

Позывной «Удача»: Задавай!

Попутчик: А у вас всегда так спонтанно, непонятно кто за что отвечает? Нам что эту орду только вдвоем останавливать? С лопатой? Позвольте, двадцать первый век!

Позывной «Удача»: Уважаемый! На этом участке работают почти непрофессионалы как с той так и с этой стороны... Орда, как вы выразились, это сплошь наркоманы. Или, я не знаю что им дают. Но нацики как заградительные отряды гонят их вперед. А те без башенные. Ваша задача не подставляться,... Они сами подставятся и друг друга перестреляют. Лопату для чего дал? Один с автоматом, другой роет окопчик. Если сильно напирать будут – нырнете в ямку и камышом накроетесь.

Попутчик: А граната?

Позывной «Удача»: Это если вдруг эти «обдолбанные» все таки какую самоходку пригонят. Тогда просто как переедет мост взрывайте, но грамотно, чтобы она перегородила дорогу. У вас какой вопрос?

Павел: Здесь у всех позывные?

Позывной «Удача»: С рацией работал? Да,

Павел: Разберусь... Позывные мы себе сами даем?

Позывной «Удача»: Пацаны, я бы вам дал позывные, но боюсь они вам не понадобятся...Вы телевизора насмотрелись, думаете все так, як кажут. У них колонна бронетехники, у нас – автоматы. У нас минометы, у них артиллерия. За них Америка и наемники других стран, за нас оптимисты. Единственное, что радует пацаны, что мы знаем, за что гибнем, а они не понимают за шо воюют. Еще техника советского союза выручает. Це не война, це истребление украинского народа. Хотите, позывные – ты – Медведь, а вы – Кусок мяса.

Павел: Может тогда Джек Лондон?

Позывной «Удача»: Да хоть Марк Твен!

Попутчик: Извините, а если граната пригодится – нам тогда смысл в ямке оставаться!?

Позывной «Удача»: Верно дядя! Это экстренная ситуация и предлагаю бежать!

Попутчик: Как бежать?

Позывной «Удача»: Очень быстро! Как говорят – Воронеж – Хрен догонишь!

Все смеются:...И вот еще – бойтесь «птичек», сейчас это самое страшное оружие с нашей и чужой стороны.

На новом блок посту Павел свою задачу понял буквально и стал готовить блиндаж. Очевидно, сюда завезли на технике и ветки деревьев, доски и даже бревна.

Кусок мяса: Я не обижаюсь (окапывается) А почему Джек Лондон?

Павел: Но он же написал рассказ: «Кусок мяса»

Попутчик: Я мастер ассоциативного мышления и не понял, вот так, нюх теряю, а между прочим я – кандидат наук, в психиатрии работаю... Это я вам потому говорю, что вижу, что вы свой! Плюс, понимаю, что мы обречены... С такой техникой особо не повоюешь...

Павел: Выигрывает тот, кто владеет информацией...

Павел достал из вещмешка дрон. Собирал его, настроил. Стал запускать, управляя через пульт. В это время, на посту за разрушенным зданием ополченцы замечают дрон, начинается переполох. Подъезжает разбитая машина. Выходит командир. Все идут к оврагу с мостиком.

Командир: Где профессор?

Позывной «Удача»: А я его куском мяса прозвал.

Командир: Ваш беспилотник?

Павел: Мой! Но он слабенький...

Командир: Разбираетесь? Напугали вы наших клоунов. Извините. Сейчас война беспилотными это пятьдесят процентов успеха. За счет умельцев и выживаем. Есть у нас много и серьезных, но вышедших из строя. Разберетесь?

Павел: Разберусь!

Командир: Отлично, я майор Колюжный, а вы нас Виктор Николаевич извините и бойцов моих за злую шутку. Вас я забираю, вы мне нужны. Это я с вами связь держал...

Нового бойца забрали в потрепанный джип и увезли.

Павел: Наступление отменяется?

Бойцы: Наступление там, за блок постами, километров пятьдесят примерно... Это фес контроль, проверка на вшивость... Пока обедали, решили над вами постебаться... А получилось наоборот... Сегодня тебя распределяют...

* * *

Ближе к линии соприкосновения Павел попал не сразу. Очень просился. Хотя его и на фронте хотели загражданить. Много трофейной техники поступало, особенно сбитых «коптеров» и кому то надо было все это чинить. А это он умел.

Позывной «Хохол»: Ты главное не высывайся. Ты нам, как «глаза» нужен. Пострелять дело не хитрое. А вот эсемеску получить или на растяжку попасть, здесь как дважды два.

Павел: Здесь же не ловит...

Позывной «Хохол»: Еще как ловит. Я про снайперов. Они тоже не спят. Оптика, а сколько людей можно положить... У нас еще не так. А там, ближе к нацикам, там как начинается артобстрел, только под дорогой самое безопасное место – в дренажной трубе.

Павел: Вот у меня друг, тоже: позывной – Хохол. Попал в плен, хочу его найти.

Позывной «Хохол»: Это тебе надо проситься к Колюжному. Он того профессора как детектор лжи использует. Много диверсий и обмана. Он по обменникам. Но они часто за пленных наших совсем не то выдают... Опять же, твоего Хохла могут и не отдать. Но в плен к ним лучше не попадать, там страшнее гестапо - пытки будут.

* * *

Наступала холодная осень. Произошло перераспределение. Бригады доукомплектовывались. Охота на командиров ополченцев приобрела системный характер. Павел понимал, знал и принимал, что в мире давно идут двойные стандарты. Войны были всегда и наши военные с этой стороны и западные инструктора с другой стороны – всегда были. Вопрос – за что кто воюет?

Командира «Удача» и пули и диверсанты не могли лишиться жизни как не старались. Однажды ближе к позициям приехали журналисты. Павел слышал, как «Купец» так звали его командира, за умение вести дела в тылу, однажды вытащил сотрудника ОБСе из автобуса и приволок его ближе к линии фронта. Но что это дало? Эти западные наблюдатели все равно все видели и знали, но были под гипнозом лживой политики и все равно ничего бы не рассказали. Впрочем, они рассказывали совсем другое. Гибель мирного населения их мало интересовала.

Это были другие журналисты, наши. Но они тоже не хотели показывать

всю правду, чтобы не накалять международную обстановку. Конечно, майору Колюжному нельзя было воевать. Но ополченцам можно. Они же по собственной инициативе отстаивают свои земли. А кто запретит?

В последствии, вспоминая стихи погибшего Поэта, Павел понимал, что ополченцы говорили все как есть честно, про себя и горе людское:

В этих тусклых коридорах
Не такие, как у нас,
И слова и разговоры
Про Россию и Донбасс.

С онкологией и астмой
Ждут соседей, не врача.
Но приходят люди в касках.
Здесь как золото – свеча.

* * *

Приезд наших журналистов был некой отдушиной, потому что Купец, суровый с виду, вдруг становился шутником и превращал беседу в некое шоу. Было много улыбок.

Позывной «Удача»: Вы же потом все равно вырежете... Оставьте только то, что вам выгодно.

Журналисты: Нам выгодно все, редактор решает. Но мы частники, у нас все проходит... Почему позывной Удача?

Позывной «Удача»: Обычно молодые до 25 сразу гибнут, те что постарше чуть попозже, я вот – задержался.

Журналисты: Ты же понимаешь, на западе считают, что если бы Россия не помогала, то войны бы не было?

Позывной «Хохол»: Я понимаю, и меня бы тоже не было, меня бы за взгляды в тюрьме сгноили, а тюрьмы у них страшнее гестапо. Я здесь родился, почему я должен лизать жопу заокеанскому рабовладельцу?

Журналисты: А кто с России? Думаете, вы помогаете чужой стране за какую идею?

Позывной «Удача»: За идею у нас наверное Пресли! Павел!

Журналисты: Почему Пресли, вы с Америки?

Павел: Меня тут, как только не обзывают. Просто спел песню Пресли на английском. Всем понравилось. Какая же она чужая? Может и Крым чужой? А Америка не чужой стране помогает? У меня вот друг, в плену, у него мать русская, отец – украинец.

Журналисты: Вы за идею воюете?

Павел: Не знаю, просто не могу терпеть истребление мирного народа. Как дети гибнут... Пенсионеры... За малую Родину наверное...

Журналисты: Вы тоже с Донецка?

Павел: Нет, с западной Сибири.

Журналисты: До Сибири разве долетают снаряды

Павел: Еще как, прямо в сердце, в ком душа есть.

Журналисты: интересная философия

Позывной «Удача»: У нас здесь кого только нет. Вот, тоже молодой Поэт! Он еще и будущий юрист. Студент еще... Давай, поучи журналюг грамматике.

И правда молодой поэт, которого под камуфляжем и не разглядишь, будто выпрыгнул из тела, залез на заночевавший в грязи и маскировочных ветках танк и громко стал декламировать:

А ВСУ бегут, напялив плаття,
Оставив, слава богу, щит живой.
«Работаем, – мы часто слышим, братья!
По точке по нацисткой огневой!»

Дороги на поселке будто каша,
Разбитые дома и здесь и там...
Выходят люди, плачут. Слышно: «Наши!»
Хотя теперь мы движемся к хохлам.

Журналисты: Вам что семнадцать? Это пророчество?

Поэт: Уже нет, Слава богу, так бы со школы не отпустили. Но я ждал. И сбежал!

Майор Колюжный: Студент, слезай. И знамя свое убери, не привлекай разведку. Мы тебя сегодня родителям отправим. Они уже тебя в мировой розыск объявили.

Поэт: Еще один день! Товарищ майор!

Журналисты: Интересная идея! Сними знамя крупным планом. У вас, Поэт, какая идея, мотивация?

Поэт: Не знаю, просто приехал поддержать людей! Хороших людей!

Майор Колюжный: Вам какая идея нужна! Сказать, что – я за мир! По крайней мере они знают – зачем они здесь! Вы вот спросите их – какая у них идея! (показывает в сторону Украинских постов)

У них перед каждой атакой начинает тенор или бас, или подбасок петь, не знаю, вообще оперный певец итальянский. А потом артиллерия работает, и дело не в выжженном поле и наших укреплениях, они выше голов летят по селам и городам.

Павел: Возьмите меня товарищ майор! У меня друг в плену...

Майор Колюжный: Дроны все отремонтировал? Ладно, поехали, раз друг.

* * *

«Новороссы», вышедшие из плены, были похожи на старичков, но постепенно их глаза оживали. Впрочем, так оно и было. Павел пытался показать фотографию друга и тем и тем. Езрезультатно...

– Если военный, то его где-то в Киеве держат. Таких не выдают – говорит пленный со стороны Украины.

* * *

Февраль был холодным. Всем хотелось оттепели. Нельзя было отапливать блиндажи. Но стихи поэта грели душу:

Когда закончится февраль
Пусть будет меньше здесь двухсотых*
Вы правы! Шепчет сердцу кто то
Когда закончится февраль...

*) Если двухсотые – это убитые, то трёхсотые в армии – это раненые

Контрнаступление со стороны нациков было особенно тяжелым. Павел был переведен в другую бригаду. В последствии узнал, что позывной Удача в этом замесе пропал без вести. А молодого поэта убили из снайперской винтовки. Самого Павла контузило, и он попал в госпиталь. А после, вернулся домой. После, в новостях, он узнал, что итальянского наемника все таки подстрелили. Возможно это была кара за убитого поэта. Человек искусства с их стороны и человек искусства с нашей.

Возможно майор Колюжный, стоя перед двухсотым говорил такие слова: «Вот родителям буду передавать нашего поэта!»

Его последние стихи стали пророческими, мне попали в руки...

Армия России наступает,
Русский мир сплотился, как тогда,
В 45-м, у рейхстага в мае,
А Фашизм? Теперь коварней стал:

Он в умах людей. И даже в душах.
Мирный город, жители – в огне!
Русские берутся за оружие.
Русский мир, как никогда, во мне

* * *

Спустя десять лет. Уже никто не сомневался ни в мощи России, ни в ее победе и правоте. Много городов было отвоевано. Много нац.батальонов уничтожено. Хваленая «небесная сотня» отправилась на небо, оправдывая свое название. Павел, обижаясь на свою страну и обвиняя ее в бездействии, теперь гордился ей, понимая какой исторический момент все переживают. В одной из электричек, в порыве душевного откровения, он рассказывал об первых ополченцах и их подвигах, которые не получили наград за свои ранения и смерти, но остались в памяти и наверное Бог позаботился об их душах, восстановив историческую справедливость.

С нашей роты осталось не больше двадцати человек, командира убили. Жалко его. Очень честный и мудрый человек был. Трое детей у него осталось. Повезло, потому что украинские власти как то странно батальоны формируют. У них либо наемники – либо пушечное мясо. А убивать, я хоть и сам ботаник, но командиров-ботаников с кучей лживых романтиков, это как по мирному населению стрелять. Впрочем, многие считают, что каждый заслужил пулю, кто пошел убивать свой народ.

– Я в разведке был. Но окружение было серьезным. Танки, БТРы, пехота. Получилось, что мы первые кольцо заметили. Прорвались на начальном этапе. Остальные в замес попали.

На Украинской войне самое страшное в плен попасть. Слишком долгими и жестокими издевательства были. Горло как скоту резали, руки ноги ломали, отбивали почки, выкалывали глаза... Поэтому прорывались с боем. Мой напарник, позывной: «Гора» смог РПГ-гранатометом завладеть. Стрелял пока самого не убили.

– Взял РПГ и подбил этот БМП, с которого нас косили. Побежали вперед за БМП. Оказалось, что не было за ним роты зачистки. Если бы не побежали вперед на свой страх и риск, не прорвались бы. У нас случай был, позывной «Муравей» пролежал на поле сутки раненный. Пять человек сдержали «елочку»

– Это как?

– Я толком не знаю, что то вроде схемы. Сначала танки, потом техника, и рота зачистки. Страшная сила. Деревни с лица земли стирают. Много людей в черных формах с красной лентой. Настоящие каратели. Сельчане в подвалы прячутся. В них гранаты кидают. Дом стирают с лица земли. Сжигают. Людьми прикрываются. Мать если ребенка успеет закрыть, то вытаскиваешь когда кого из подвала мертвого в осколках. Ребенок может быть и живой, а может тоже в осколках.

– А почему Муравей один сдержал карателей? У вас, кстати, какой позывной был?

– Джек Лондон. Пресли. Медведь...

– O!!! quite well !

– Ну, вроде как я с Сибири, северный ополченец, а сам я так попросил в честь одного земляка путешественника, его так в шутку называли. Много он мне добра сделал, когда я подростком был. Умер он. Яхту мне самодельную оставил.

В Луганске тоже страшно. Можете представить, как снаряд убивает всю семью с детьми, как люди заживо поджариваются на верхних этажах?

Вообщем не получилось мне удовлетворить свою потребность – притащить, кого из пленных и привязать к столбу, чтобы смотрел, как его товарищи народ истребляют. Там так, кто кого вперед увидит – тот того и убивает.

Вы, наверное, скажете, что у меня крыша поехала, было такое, когда по нам долбили с «Града», долбили ракетными установками «Ураган», миномётами, и мы вышли из этого окружения.

Как только начинается интенсивное истребление мирного населения и ополченцы обращаются к России, и даже подъезжают танки, чтобы вытеснить танки. То Украина сразу идет на перемирие. Постоянно Российские контрактники не находятся в Донбассе. Как только они отъезжают, города снова начинают долбить.

Идет диверсионная гибридная война. Укропы хорошо информированы своими разведчиками, они любыми способами охотятся на лидеров оппозиции. Охотятся через девушек, через мирное население. Идет предательская война. Партизанщина.

– Как думаете, увиденное будет лежать на вас грузом всю жизнь?

– Этот груз не тяжелее того который я испытывал, когда жил на гражданке и видел улыбающихся людей, не чувствующих что где то гибнут дети, плачут мужчины от ежедневного ужаса и боли... Жить с тяжестью куда сложнее.

– Сейчас вам легче?

– Легче. Россия наступает! Россия для мира спасательный круг!

Во Львове, в Чернигове, в Киеве давка,
В метро не пробиться, опять не пробиться
А в небе летают блестящие птицы,

Оставив надежду на взглядах и лицах...
Россия внесёт, если надо, поправку:
Россия для мира – спасательный круг!

Бакин Виктор Семенович – родился в 1957 году в городе Мураши Кировской области. Окончил Кировский политехнический институт по специальности инженер-строитель. Более четверти века проработал в редакции общественно-политической газеты Вятский край. Автор 15 книг прозы, вышедших в разные годы в Кирове, Екатеринбурге и Москве.

Член Союза писателей России. Живёт в городе Киров.

Помолитесь за солдата...

...Дело случая, счастливого случая.

Из газетной ли публикации впервые узнал я об этом человеке или из телевизионного сюжета – сейчас точно уже не скажу. Да и так ли это важно, каким был первоисточник, остановивший однажды мое внимание? Иное было значимее и волнительнее: русский Николая – отважный боец французского Сопротивления, кавалер ордена Почетного легиона, а это, напомним, высшая награда Французской Республики, фронтовик, перетерпевший и немецкий плен, и советские лагеря ГУЛАГа, родом наш, вятский. И фамилия у него, словно в горькую насмешку, звучит по-весеннему

певуче, задорно, звонко, почти как у знаменитого поэта – ВА-СЕ-НИН.

Васенин Николай Максимович – так зовут этого человека удивительной судьбы.

Отцовский наказ

Место рождения: село Пышак Орловского уезда Вятской губернии, 5 декабря 1919 года – начальная строчка биографии маленького Коли, поскребыша в семье крестьянина Максима Васенина...

Пышак... Что-то близкое, знакомое... Впрочем, никогда не приходилось мне бывать в Пышаке, не выпадала такая оказия, а надо бы. Вон как интригующе, остро и достаточно разбойно звучит: пышак – по значению, если словари не обманывают, это нож. Так что мимо не пройдешь, чтобы чуток не вздрогнуть...

В краеведческих книжках однажды прочел, что своим рождением Пышак обязан знаменитому на всю Россию соседу – селу Великорецкому, до которого напрямки всего – ничего, два часа быстрого хода. По этой счастливой близости и порешили однажды боголюбивые православные граждане организовать в доступной расположенности новый монастырь, испросили у царя-батюшки разрешительную грамотку на пользование окрестной таежной землей. А еще – в знак царского благоволения – Раифский образ Божией Матери, писанный на самом острове Афоне.

И стала здесь с далекого XVI века трудами трудников и монахов подниматься Раифско-Богоявленская пустошь, в которую поклониться чудотворному образу Богородицы захаживали многие великорецкие крестоходцы. А кто-то и вовсе оседал рядом с монастырем на постоянное житье в заоградной слободке, с годами окрепшей добротными избами и подворьями.

Вот на этих привольных просторах, под самодельными петушками-флюгерами, посаженными на высокие коньки избяных крыш, и озоровал в детстве маленький Коля Васенин. Впрочем, особо озоровать времени не было – хозяйство у тяти крепкое: коровы, лошади, прочая живность. Большого ухода требует. Потому и пастушить-скотоводить, пахать и хлеба жать, сенокосить и стога метать умели в семье все сызмальства. И отношение к родной земле было особенное, трепетное, почтительное.

– Бросил я как-то комок земли в чужой огород, – вспоминал на старости лет Николай Максимович. – Отец увидел, руку мою перехватил и строго выговорил: «Сын, что ж ты делаешь? Нельзя так. Это же земля! Земля-кормилица! Береги землю смолоду!...» С этим отцовским наказом я и жил...

Завтра была война...

Но вот уже и семилетка за плечами, а что дальше – особой определенности у юнца не было. Посоветовали идти в мелиораторы: землю-кормилицу надо же кому-то обихаживать. Но скоро понял – не по душе сие мастерство. Махнул на север, в Мурманск, к старшей сестре, где получил специальность судового механика.

За пару недель до своего двадцатилетия получил вятский паренек из военкомата повестку: «Гражданин Васенин, вы призываетесь в ряды рабоче-крестьянской Красной Армии...» И пока проходил курс молодого бойца, пока осваивал азы пулеметного дела, началась финская кампания.

– Попал я на Карельский перешеек, – вспоминал девяностолетний Васенин – Сразу пустили вперед, в разведку боем. Идем по озеру в открытую, а противник в дотах, дзотах и стреляет по нам, как в тире. За нами идут разведчики и фотографируют, отмечают те точки, откуда в нас стреляли. Вот что такое «разведка боем»... При этом одна винтовка на двоих. А за патроны потом еще и отчитаться надо... И не в валенках, не в сапогах – в обмотках. И где воевать-то? В грязи, в снегу, в болотах... Снаряд, когда летит, как будто чихает: «кхе-кхе-кхе». Кряхтит, черт его возьми. И думаешь: «Господи, да пронеси!». А как пронесет, думаешь: «... твою мать!»

Однажды не пронесло: получил тяжелое ранение и полгода маялся по госпиталям. После выписки был направлен в школу среднего состава. А начало войны встретил уже в должности командира взвода связи.

Однополчанин Васенина рассказывал:

– Наша 17-я стрелковая дивизия базировалась близ Полоцка. В мае-июне начали передислоцирование в сторону границы. Приказ – не поддаваться провокациям. В результате ни один патрон, ни один снаряд не был отправлен вместе с нами, все осталось на складах. Не то, что воевать – застрелиться было нечем!..

Немецкий плен

– Человек, который помнит, что такое война, не должен ее вспоминать, – подчеркивал Васенин. И сам же нарушал это неписаное правило: – Вот я до фронта не знал, что такое женское тело. Да-да. Считай, святой мальчик... И представляете себе: вот святой мальчик, а его убивать заставляют. Убивать... Как это? А так... Ничего особенного – не было выхода. Если будешь отступать – сзади заградительные отряды. И волей-неволей, а вперед – за Родину, за Сталина. Ну, за Сталина я не кричал. Но говорят, что бывало... Страшно, когда передовую после боя занимаешь. Когда поле стонет... Целое огромное поле... Вот при хорошем урожае видали, наверное, сколько в поле бывает снопов? Вот после хорошего боя столько же убитых лежит. Это солдаты. Русские солдаты...

6 июля 1941 года под Минском при попытке вырваться из окружения Николай Максимович был ранен в живот, контужен и в бессознательном состоянии взят в плен. В фильтрационном лагере особого интереса немцы к нему не проявили, посчитали за рядового, отправили в санитарный барак. А с выздоровлением стали привлекать к подсобным работам.

Сохранился снимок той поры, сделанный в концентрационном лагере Мюльберг: стриженный под машинку Васенин, одетый в солдатскую шинель, смотрит в объектив пристально. А на груди четкая номерная табличка – 103789 IVB.

В мае 43-го пышакского парня переводят в шталаг, расположенный в саксонском городке Вольфен, откуда он при первой возможности бежит. Но через месяц его схватили, жестоко допросили в гестапо, вернули в концлагерь, а затем в составе рабочей команды отправили во французские Альпы копать ямы под телеграфные столбы.

9 октября – еще одна попытка побега. И хотя местность в Альпах горная, каменистая, раскинутые по склонам виноградники ограждала колючая проволока и охраняли злые собаки, несколько дней спустя Николай добрался до городка Сен-Сорлин-ан-Валлуар, где его схоронили от чужих глаз местные жители. Они же и вывели беглого советского военнопленного на местное подполье, которым командовал капитан Жорж Моно.

Отряд Николая сражается

Поначалу жил Васенин в горах в доступной близости от Сен-Сорлина: днем помогал в повседневных делах и хлопотах местному крестьянину, словно наемный батрак, а когда солнышко уходило на закат, спускался на равнину, чтобы потрепать с товарищами немецкий оккупационный режим.

– Там, во Франции, все как-то было по-другому, иначе, – вспоминал на склоне лет Николай Максимович. – И жили мы, не как наши партизаны – не в глухих лесах, а в обычных домах. И боевую операцию начинали после сообщения по радио примерно такого содержания: «Собака колли родила семь щенков...» Значит, будет семь парашютистов...

Впрочем, первое время макизары (так называли бойцов Сопротивления) относились к беглому русскому настороженно. У него ж не написано, что он свой – а вдруг провокатор? Засланный казачок? Потому и вооружать его никто не собирался. Все было прозаичнее: готов воевать – доказывай свою решимость в конкретном деле, добывай оружие в бою. И если выживешь, да еще и с винтовкой вернешься – будет тебе доверие.

– А я бесстрашный был, в пекло постоянно лез по собственной инициативе, смерти нисколько не боялся, видно, заговоренным родился, – объяснял свою удачу Васенин.

Скоро партизаны выправили своему новому товарищу документы – на имя Николая Вуатье. Мало ли где пригодятся...

В переводе на русский «вуатье» – значит «глухонемой». Совершенно не зная французского языка, объясняться Васенину приходилось, как правило, жестами. Или мимикой лица. Или выражать свою мысль на бумаге, в беглом карандашном наброске. Видимо, поэтому скорые на розыгрыш и незлобную шутку французы и воплотили в выдуманной фамилии его поведение и внешнюю немому...

Партизанский отряд капитана Моно активно действовал в окрестностях Лилля, Гренобля, Марселя, Сен-Рамбера, громя комендатуры и немецкие гарнизоны, взрывая склады и устраивая засады на дорогах, казня предателей-жандармов и собирая разведданные. И невероятно везучий Васенин из рядового бойца вскоре дослужился до командира – возглавил боевую группу в полсотни штыков. Этот русскоговорящий «отряд Николая» объединял в основном бывших советских военнопленных.

Удача на войне, спору нет, многое значит. Но все ж каким бы удачливым и «заговоренным» ни был Васенин, в одном из боев основательно зацепило и его. Рана была серьезная. Выхаживать отважного Николая вызвалась Жанна Моно, дочь командира.

– Она поливала мою рану перекисью, та пенилась, закипала, – вспоминал много позже Николай Максимович. – И так же закипала наша любовь... Оборванец, единственное, что у меня было, – винтовка да рваные штаны, сшитые из одеяла – и дочь самого капитана Моно! Узнай про наши

симпатии, люди просто бы подняли меня на смех. Так мы скрывались в ее комнатке: она играла на пианино Шопена, а я читал ей наизусть «Евгения Онегина»...

По взаимной нежной привязанности все неуклонно шло к скорой женитьбе, мать Жанны была на стороне влюбленных, но когда Васенин официально попросил у Жоржа Моно руки его дочери, последовал категорический отказ...

К лету 1944 года департамент Дром усилиями местных макизаров практически превратился в настоящий островок свободной Франции. Оккупационным властям противостояло здесь около 4 тысяч бойцов Сопротивления. Тогда раздосадованный вермахт бросил против восставших регулярную армию в 20 тысяч солдат. Силы были неравны, повстанцы несли тяжелые потери, отступая в горы. Но во второй половине августа на юге страны не высадились американские войска. Это было спасение! Тогда же отряд Николая захватывает крупный опорный пункт немцев Сен-Рамбер-д'Альбон и с боями удерживает его до подхода подкрепления. В этом городке Васенин исполняет обязанности коменданта, а потом переезжает со своими бойцами в Гренобль и в начале сентября на сборном пункте организованно и добровольно сдает оружие.

Все, боевые действия французского партизана Васенина – Вуатье на этом закончились.

Суровая родина

Париж, советская военная миссия, должность начальника военно-учетного стола, лейтенантские погоны... Такова дальнейшая служба молодого офицера, вчерашнего макизара, все еще испытывающего нежные чувства к дочери капитана Моно и способного ради нее на безумные и даже совершенно авантюрные поступки. Когда однажды, под Новый год, Жанна оказалась в Париже, Васенин с другом, ничтоже сумняшеся, угнал у французского генерала служебное авто и катал всю ночь свою возлюбленную по тихим городским улицам до тех пор, пока не врезался в американский «студебеккер»...

В апреле сорок пятого Николай Максимович подает рапорт об отправке в СССР: «...Прошу направить меня на дальневосточный фронт...», вместе с другими репатриированными прибывает в Одессу, со сборно-пересылочного пункта его перекидывают в 102-й запасной стрелковый полк. И к полной неожиданности Васенина... открывают следствие по делу о пребывании его в немецком плену.

Вот такая выпала первая встреча с родиной – неласковая, томительная.

Около двух месяцев будет тянуться это унижительное расследование, потом, в начале июля, состоится военный трибунал, который вынесет неожиданный, страшный по своей сути приговор: 15 лет исправительно-трудовых лагерей.

Пятнадцать лет! За что? За плен, за «измену!..»

Так испытывший всю «прелесть» немецких концлагерей Николай Максимович оказался еще и в советском ГУЛАГе, где на шахтах Забайкалья, на приисках Читинской области добывал для родной, но такой неприветливой страны уголь, олово и драгоценные металлы.

После смерти Сталина в режим содержания осужденных внесли некоторые послабления... Васенину

теперь позволялось даже жить в поселке, а не в общем бараке, иметь достаточно свободное хождение. Тогда-то он и встретил строгую и очень правильную в суждениях девушку Зину, молодую геологоразведчицу, но уже члена партии, ставшую вскоре его женой.

– Как-то конвоировали партию бежавших и вскоре пойманных заключенных. Конвоировали их и измывались, как могли, – вспоминает Васенин. – А тут она, эта Зина. Видит это безобразие и бросает вслед несчастным: «Так им, ублюдкам, и надо...» Да-а? Ну, я тогда и подумал: «Ах так?! Ладно. Так я тебя тоже тогда накажу – женюсь!» И женился...

У Зинаиды Васильевны было несколько иное воспоминание о первых встречах:

– Покорил он меня своим пением... Ехали верхом на лошадях, он по дороге запел. Ой, какой у него голос был!.. Потом пригласил в кино раз, другой... Там, в Читинской области, у нас и трое детей народилось...

В 1960 году, когда пришла долгожданная свобода, Николай Максимович с семьей перебрался на Урал, на родину жены, в город Березовский. Работал инженером на местных заводах, а перед выходом на пенсию – слесарем по ремонту оборудования. И только в период перестройки был реабилитирован, признан ветераном войны.

«Я русский солдат. Я обещал вернуться...»

Убеленный сединами, признанный ветеран войны, орденосец – кажется, чего уж теперь бояться. Кончились ахи и страхи.

Васенин поверил в добрые перемены: посылает запрос во французское посольство – ищу боевых товарищей-макизаров, участников Сопrotивления. Мечтаю повидаться на склоне лет... Но ответ приходит из совсем иной организации – КГБ: «Не ищите, дорогой ветеран, новых приключений и неприятностей на свою седую голову...»

На долгие десять лет отбили Николаю Максимовичу тогда желание о чем-то мечтать, кого-то разыскивать. Замолчал ветеран, жил мирно, праведно. Но в 1996 году все же вновь отважился – обратился за содействием во французское консульство в Екатеринбурге. Но друзей по боевому братству найти снова не удалось. Зато французские чиновники подняли архивы, скрупулезно изучили документы и официально признали Васенина участником Сопrotивления. Даже переслали ему почтой заслуженный еще в 1944 году Крест бойца – почетную боевую награду.

Прошло еще одно десятилетие. В 2005-м, в год 60-летия победы во Второй мировой войне президент Жак Ширак за заслуги перед Французской Республикой именным указом наградил Николая Максимовича высшей наградой Франции – орденом Почетного легиона. Можно себе представить, какой головной болью обернулся для местных властей весенний визит в провинциальный город Березовский Чрезвычайного и Полномочного посла Франции в России, который лично вручил орден бывшему макизару. Ведь до этого случая о Васенине никто из чиновников ничего не знал. Ну, живет старик скромно на пенсии и слава Богу. А тут что получается: рядом с нами – настоящий герой! Интернационалист.

Слава, признание, повышенное внимание властей и прессы, лавиной обрушившиеся на рядового пенсионера – все это, конечно, было приятно старому человеку. Он теперь много рассказывал о

себе. И все же еще таился, до самой смерти супруги, с которой прожили более полувека, даже не заикался о сокровенном своем желании – увидеть бы Жанну. Жанну Моно. Милую девушку из французской провинции. Первую свою большую любовь.

– Я же русский солдат. Я обещал ей вернуться, – повторял Васенин...

Возвращение

Случилось чудо: Жанна Моно была жива. Но возраст есть возраст: бывшая возлюбленная Васенина находилась в пансионате для престарелых, была прикована к кровати. Из-за болезни Альцгеймера она практически потеряла память и не узнавала даже собственного сына Пьера. Кстати, Пьер родился вскоре после отъезда Николая на родину, был очень похож на него, хотя официально его отцом считался погибший французский партизан.

Узнав о результатах поиска, Васенин засобиравался во Францию. Хотя врачи категорически запретили любые дальние поездки и душевные переживания. Все же человеку 94 года. Не шутки! Но ветеран был непреклонен.

И все же встретиться с первой любовью ему было не суждено. Он опоздал, опоздал совсем немного. Жанна Моно умерла весной 2014 года, всего за несколько месяцев до приезда Николая Максимовича во Францию.

В Сен-Сорлине Васенина встречали, как национального героя. Мэр объявил его почетным гражданином города, в котором его именем будет названа одна из улиц. В честь бывшего макизара был организован торжественный прием и праздничный ужин.

Посетил Васенин и местное кладбище, посидел в одиночестве на могиле Жанны, помолчал. И оставил на холодном граните букет красных роз и коробку конфет «Уральские сказы»...

Он обещал вернуться и он вернулся!..

5 декабря 2014 года уроженцу вятской земли Николаю Максимовичу Васенину исполнилось 95 лет. Два дня спустя, 7 декабря 2014 года его не стало...

О смерти 95-летнего ветерана написали ТАСС, Washington Post и Associated Press.

Прах героя был похоронен на почетной аллее Березовского кладбища...

Возвращаясь в тот прискорбный день в Екатеринбург, молодой уральский режиссер Андрей Григорьев, снявший пронзительный документальный фильм «Васенин», включил в салоне машины запись шуточного пения Николая Максимовича:

Я водки не пью, но люблю веселиться,
А если уж выпью, люблю похмелиться...

Такой он был – отважный, веселый, живой!

Валеев Марат Хасанович – родился в г. Краснотурьинск Свердловской области. Рос и учился в с. Пятерыжск на Иртыше в целинном Казахстане. Окончил факультет журналистики Казахского государственного университета им. Аль-Фараби. Главный редактор окружной газеты. А выйдя на пенсию переехал в Красноярск. Авто и соавтор пяти книг, в том числе сборников юмористических рассказов, фельетонов, миниатюр и очерков Живёт в Красноярску.

Судьба разведчика

– Слушай, а давай напишем Колю, а?

Алексей Иванович Кокоулин глядел на меня с хитроватым прищуром. После того, как я написал о нем очерк в нашей газете как о фронтовике, мы подружились, и этот геройский старикан иногда заходил в редакцию «Эвенкийской жизни». Когда просто потрепаться, когда пожаловаться на проблемы.

Впрочем, серьезная проблема у него была одна: жилье. Вернее, отсутствие оно. Ветеран Великой Отечественной жил один в развалюхе, бывшей до войны... конюшней, и переделанной под жилой дом. Лачуга эта была холодной, ее все время надо было топить, чтобы не замерзнуть. Привозную воду надо было своевременно перетаскивать из уличной бочки в домашнюю, прозеваешь – и на сорока-пятидесятиградусном морозе она за считанные минуты промерзнет до дна, а потом выколачивай ее.

Был Кокоулин помоложе, так сам со всем справлялся, не роптал. Ну а когда перевалило за семьдесят – он к тому времени уже жил один, жены не стало, сын жил где-то в Красноярске, да и не до отца ему все как-то было, - стал просить у местных властей предоставить ему благоустроенное жилье. Ну а что, имел право!

Да вот только чиновники все кормили его обещаниями. Или предлагали жилье вроде получше, поближе к центру столицы Эвенкии, но все с той же ненасытной печкой и с железной бочкой для привозной воды во дворе.

И я писал в газете о проблеме ветерана. Но ушли те времена, когда на газетные публикации местные власти обязаны были реагировать и принимать по ним конкретные меры. Их просто игнорировали. Или пренебрежительно отмахивались. Да и недолюбливали местные власти Кокоулина. Потому что бывший фронтовик, добиваясь справедливости, в гневе и выражений не подбирал, и за грудки мог схватить и потрясти. Однако во мне он нравился своей живостью и непосредственностью. Да и не уважать его за боевое прошлое было просто нельзя. Воевал Алексей Иванович, как истинный сибиряк, бесстрашно, с выдумкой.

В действующую армию он был призван в сентябре 1942 года из деревеньки Абакумовка Иланского района, в Канске прошел подготовку и в октябре попал на Калининский фронт рядовым стрелком.

Под Великими Луками в конце 1942 года разгорелась ожесточенная битва между силами 3-й Ударной армии, 3-й Воздушной армии и вражеской группы армий «Центр», вошедшая в историю Великой Отечественной войны как Великолукская операция.

– Ты понимаешь, раз семь или восемь брали мы этот город и снова отдавали немцам. Вот как сшиблись. Мясорубка была страшная – от некоторых наших полков, веришь ли, к концу сражения за Великие Луки оставались считанные бойцы, – рассказывал мне Алексей Иванович Кокоулин на диктофон.

Во время очередной атаки на ошетилившиеся плотным огнем немецкие позиции что-то ударило Кокоулина в переносицу. Лицо его, глаза мгновенно оказались залиты кровью. Ничего не видя перед собой, боец беспомощно остановился, начал протирать глаза. А наступающая рота ушла вперед. Кокоулин вынужден был, поминутно спотыкаясь, почти на ощупь добираться до санбата. Здесь женщина-военврач извлекла из его переносицы маленький осколочек, промыла и зашила рану.

– Все, боец, можешь идти в строй. Считай, что тебе повезло, ведь мог и глаза лишиться, – сказала она. Тот подхватил винтовку и назад, к своим. А от его второй роты, как, впрочем, практически и от

всего полка, ничего почти не осталось – все были выбиты в той атаке. Наверняка и для Кокоулина здесь все и навсегда бы закончилось, если бы не то ранение.

Затем было переформирование, и Кокоулин угодил в расчет противотанкового 76-миллиметрового орудия ЗИС-3, наводчиком, для чего прошел специальное ускоренное двухнедельное обучение. В составе той же 3-й Ударной армии Калининского фронта принял участие в Невельской операции. И здесь бои велись не менее тяжелые, чем под Великими Луками. Атаки наших войск сменялись контратаками гитлеровцев, в воздухе сшибались самолеты, на земле – танки и пехота, вела затяжные дуэли артиллерия. Люди и с той, и с нашей стороны гибли тысячами, дымно чадя, горела подбитая техника.

Отбивая одну из контратак немцев, расчет Кокоулина расстрелял по живой силе и подбирающимся все ближе немецким танкам все снаряды, а в это время зашедшие с левого фланга стальные чудовища стали гусеницами вытаптывать расположение батареи, поливать фактически обезоруженных (что сделаешь с винтовкой против танка?) и разбегающихся артиллеристов пулеметным огнем.

Одну свирепо урчащую машину Кокоулин сумел подорвать противотанковой гранатой. А дальше видит: все, хана! В живых на батарее осталось только трое. Ни от наседающих танков отбиться нечем, ни к своим ходу нет, отрезаны. Артиллеристы пробрались в блиндаж командира батареи (сам комбат был уже убит к тому времени), притаились там – авось пронесет. И тут же раздался лязг гусениц, гул работающего мотора, затрещали бревна наката, и под тяжестью танка крыша блиндажа просела и накрыла находившихся внутри бойцов.

– Дальше я уже ничего не помнил, потерял сознание, – рассказывал Алексей Иванович. – Потом немцев погнали назад, и кто-то из пехотинцев услышал стоны из заваленного блиндажа. Нас раскопали, один из троих был уже мертвый. Я очнулся потому, что врач санбата стал выковыривать у меня изо рта, носа землю. С контузией, сильно помятый, я был направлен в Наро-Фоминский госпиталь...

Молодой здоровый сибиряк быстро шел на поправку. И недолечившись, удрал из госпиталя – так хотел скорее вернуться в ставшее родным подразделение, к своим ребятам. И в мешанине продвигающихся на запад войск сумел таки найти свою часть. А в ней – новые люди, новое командование, орудия – и те другие, более совершенные. Алексей пошел к командиру батареи, тоже новому, доложил, что вот, вернулся из госпиталя. Правда, без сопроводительных документов. Зато досрочно.

– А меня – на кухню, хозрабочим, так сказать. Дескать, долечивайся пока здесь. А там посмотрим, на что ты годен, – сердито пыхтя, делится теми давними, но по-прежнему волнующими его кровь воспоминаниями Кокоулин.

Ну и что ж, пришлось ему чистить картошку, заготовливать дрова. И как ни унижительно это было делать понюхавшему порох бойцу, но делал. Кому-то и этим надо было заниматься. Но вскоре судьба его сделала крутой поворот, как это не раз уже случалось с Кокоулиным на фронте.

На кухню заглянул командир дивизионной разведки, состав которой во время последней неудачной вылазки за линию фронта был почти весь выбит. Разведку нужно было пополнять, делали это, как правило, за счет обычных бойцов, на, так сказать, добровольно-принудительной основе.

На войне все ходят на грани между жизнью и смертью, а разведчики – особенно. Поэтому, набирая людей в разведку, все же спрашивали их согласия. Доброволец знает, на что идет, а насильно зачисленный в ответственный момент может и подвести товарищей.

Начальник разведки с удовольствием оглядел плотную, коренастую фигуру Кокоулина, отметив про себя, что этот парень явно не робкого десятка, и спросил:

– Ну что, сибиряк, пойдешь ко мне в разведку? Знаю, знаю, что ты сибиряк, что воюешь ладно. Нам такие нужны...

– Так меня же, вот, на кухню наладили, – обиженно ответил Кокоулин. – Сказали, чтобы поправлялся здесь.

– У нас поправишься. Главное для меня знать: согласен ты пойти в разведчики или нет?

– Конечно, согласен, товарищ майор! – Кокоулин пнул ведро с картофельными очистками. – Сколько можно с этим воевать?

Так в 1944 году, в начале Витебско-Оршанской операции, Алексей попал в разведку. И уже вскоре смог проявить себя здесь как бесстрашный, находчивый лазутчик. При освобождении Борисова он в составе головного дозора, в котором было шесть разведчиков, в одной небольшой деревушке обнаружил поджидавшую наши наступающие войска засаду. Сам Кокоулин так рассказывает об этом:

– Вошли мы в деревушку, все вроде тихо. Можно давать сигнал, чтобы и часть втягивалась. Но тут мне навстречу, откуда ни возьмись, выходит мужик непонятно во что одетый: наполовину в военном, наполовину в штатском. Приветствует нас, завязывает разговор на чистейшем русском. Но что меня насторожило: чисто выбрит, и одеколоном от него пахнет. Это откуда же в деревне такой фронт? И замечаю за плетнями, за домами какое-то движение. Все ясно: перед нами переодетый немец или кто он там, заговаривает зубы, чтобы разведку или снять без шума, или взять живьем...

Ничего из этой затеи у немцев не получилось: разведчики подняли такой татарам, что и чертям, наверное, тошно стало. Отбиваясь от наседавших гитлеровцев, Кокоулин расстрелял все рожки из своего автомата, потом выхватил пистолет...

Разведгруппу отбила слышавшая перестрелку передовая рота наших войск. Засады у немцев не получилось, они были смяты и выброшены из деревеньки. Потери у красноармейцев, конечно, в этом бою были. Но если бы часть попала в засаду, их было бы намного больше.

Основную ярость гитлеровцев на себя приняли разведчики, четверо из них погибли в той неравной схватке, в живых осталось двое – Алексей Кокоулин и его земляк, тоже из Иланского района, Алексей Лусик.

Их пожелал увидеть лично командир дивизии – генерал-майор, Герой Советского Союза Г. И. Карижский. Разведчики выглядели неважно – оборванные, окровавленные (у Кокоулина был сильно распорот на одной руке то ли штыком, то ли ножом большой палец, кисть второй руки была разбита рукояткой парабеллума, которой разведчика пытался достать по голове немецкий офицер), но перед генералом они держались браво.

– Молодцы, гвардейцы! – сказал им генерал. – Правильно, воевать надо не числом, а умением! Спасибо, что обнаружили засаду! Всех представляю к наградам.

За ту разведку Кокоулин получил орден Отечественной войны. А сколько таких вылазок было еще впереди! Разведчик принимал участие в освобождении Белоруссии, воевал в Восточной Пруссии, и совершил еще немало, не побоимся этого слова, подвигов.

Не все они были отмечены высокими правительственными наградами, да это и немудрено: ведь у разведки, что ни вылазка, то подвиг, никаких орденов и медалей не напасешься. А вот благодарностей от Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина, красочных, отпечатанных типографским способом, не жалели. У Кокоулина их было великое множество, но до встречи со мной он сумел сохранить только пять, которые решил передать в окружной краеведческий музей: «За прорыв обороны и вторжение в Восточную Пруссию» от 23 октября 1944 года, «За взятие города Инстенбурга» от 22 октября 1945 года, «За разгром Восточно-Прусской группировки юго-западнее Кенигсберга» от 29 марта 1945 года, «За взятие Кенигсберга» от 9 апреля 1945 года, «За овладение городом и крепостью Пиллау» от 25 апреля 1945 года.

Есть у Кокоулина и ряд медалей за освобождение наших городов и взятие городов уже на германской территории. Но самая ценная для него, конечно – это медаль «За отвагу», которой его наградили за уничтожение пулеметной точки. А множество иных боевых эпизодов, в которых также приходилось рисковать жизнью и проявлять мужество и героизм, так и остались ничем не отмеченными эпизодами.

Как, например, пленение разведгруппой в той же Восточной Пруссии упри взятии Кенигсберга восьми немецких офицеров и 78 солдат, обслуживающих гигантские стационарные орудия, нацеленные из монолитного железобетонного форта на мост через реку Преголь, по которому должны были пойти наши войска.

– Нам какая-то бабка указала на этот форт, – вспоминал Кокоулин. – Русская, угнанная немцами сюда из Воронежа в числе многих наших людей, использовавшихся как рабы. «Там, – говорит, – ребятки, пушки большущие. Смотрите, как бы не покروшили ваших».

Разведчики перебрались через реку, и видят: точно, торчат из встроенного в крутой берег форта жерла орудий. Нашли и вход в него, прикрытый стальной дверью-воротами, за которыми скрывались рельсы узкоколейки, по которой, видимо, подвозили снаряды. Вокруг – ни души. Попытались открыть дверь – не поддается. Постучали в нее прикладами. Никто не отзывается. Но внутри все равно кто-то должен быть, иначе бы вход в форт был открыт.

И тогда разведчики связали вместе пять противотанковых гранат, несколько гранат от фаустпатронов, снабдили этот адский «винегрет» четырьмя детонаторами, подложили под стальную дверь и зажгли бикфордов шнур. Гроыхнул такой силы взрыв, что, казалось бы, даже прусская река Преголь должна была выйти из берегов. Но когда рассеялись дым и пыль, оказалось, что дверь осталась на месте, лишь закопчена и ободрана осколками – вот как ладили немцы свои оборонительные сооружения.

Пока разведчики размышляли, чем бы еще шандарахнуть по этой чертовой двери, она вдруг тяжело, медленно приоткрылась и из нее высунулась палка с белой тряпкой на конце. «Рус, не стреляй, сдаемся», – закричали из форта. Вот тогда-то и высыпала из железобетонного укрытия эта без малого сотня фрицев, не пожелавшая дальше испытывать свой судьбы, ведь война-то заканчивалась и дальнейшее сопротивление было просто бессмысленно.

Конец войны застал Алексея Кокоулина в Пруссии. Но служба его продолжалась еще долго. Вернее, это было продолжение войны: из опытных фронтовиков, наподобие Кокоулина, прошедших огонь, воду и медные трубы, формировались специальные подразделения, которые уничтожали в лесах Прибалтики, а затем и Западной Украины банды националистов. Демобилизовался Алексей Иванович только в 1951 году, в звании старшины.

Вернулся он в родную Сибирь. Работал на строительстве Усть-Илимской ГЭС, потом перебрался в Эвенкию, где много лет проработал механизатором в геологических экспедициях – Борской, в

««Шпате». Выйдя на пенсию, продолжал трудиться в качестве хозрабочего в окружной прокуратуре. Конечно, как ветеран войны пользовался уважением, его с другими фронтовиками приглашали на тожественные мероприятия, обычно в День победы. Но одно дело – чествовать заслуженного участника боевых сражений на словах, и совсем другое – на деле. Многие годы он добивался у местных властей предоставления ему сносного жилья. А его все отфутболивали – «Ну не хватает жилья в поселке, – объясняли ветерану. – Подождите еще немного...»

...И вот Алексей Иванович сидит в редакции, смотрит на меня с надеждой, и снова повторяет:

– Ну так что, напишем Колю?

– Какому Коле написать надо? – не сразу понял я Кокоулина. – Кто он такой, этот Коля?

– Да не Коля, а Коль, – досадливо поморщился Алексей Иванович. – Который главный сейчас в Германии.

– Это который Гельмут Коль? – поразился я. – Канцлер? Что мы ему напишем? И зачем?

– Ну, напишем, что я, советский солдат, приглашаю к себе в гости кого-нибудь из ихних ветеранов, – простодушно сказал Кокоулин. – Пусть приезжают, посмотрят, как наши ветераны живут. Выпьем по сто граммов, повспоминаем, как воевали...

Так вот оно что: этот мужественный разведчик-старшина, бесстрашно дравшийся с немцами и победивший их, собрался приглашать к себе в гости своих бывших врагов?

– Пусть приезжают, – упрямо продолжал твердить мне Кокоулин. – Встречу, как положено. Какие там мы уже враги... Они тоже старики. Но зато как живут собаки, как живут!..

И тут все стало на свои места. Кокоулин своим письмом Колю ни на какую милость от побежденных им немцев не рассчитывал. Он не мог не понимать, что его письмо и вовсе может не дойти до адресата. Но кому надо – прочитают его. А там, глядишь, и его проблема с жильем наконец решится.

И я написал это чертово письмо канцлеру ФРГ Гельмуту Колю с приглашением к двум-трем немецким ветеранам войны (больше принять, к сожалению, не позволят стесненные условия, извинялся Кокоулин) приехать погостить в Эвенкию к советскому солдату, разведчику-орденоносцу Алексею Кокоулину и выпить с ним стопку-другую на брудершафт.

Письмо это я отпечатал на машинке и отдал его Алексею Ивановичу – он сказал, что сам отправит его. И бравый старикан, бережно спрятав письмо в карман, ушел. Облегченно вздохнул и я – Кокоулин забрал у меня половину рабочего дня!

А буквально через пару месяцев узнаю невероятную новость. Нет, никто к Кокоулину из Германии не приехал. Но ему дали благоустроенную однокомнатную квартиру в бывшем окружкомовском кирпичном доме! С центральным отоплением! С водопроводом! С туалетом и ванной, наконец! Такие квартиры и сегодня в сплошь деревянной Туре редкость, а тогда, в середине 90-х, это вообще была непозволительная роскошь для простых смертных. Так что, похоже, расчет бывшего фронтового разведчика оказался верным.

Его письмо прочитали, где надо, и запаниковали: а не дай Бог кто из-за границы и в самом деле приедет в гости к победителю, живущему в конюшне? Это ж сраму не оберешься! А того гляди, и тепленького местечка лишишься. И когда вдруг освободилась однокомнатная благоустроенная

квартирка в элитном по меркам Туры доме, ее предпочли отдать не очередному «блатному» жильцу, а беспокойному фронтовику.

И ветеран войны, бывший артиллерист и разведчик Алексей Иванович Кокоулин, пусть хоть и всего несколько месяцев, то есть до своего последнего дня, но все же пожил в человеческих условиях. И я до сих пор остаюсь рад тому, что приложил к этому руку...

Преснякова Наталья Ивановна - родилась 5 октября в небольшом шахтерском поселке Московское Донецкой области. Окончила Клинцовское медучилище. Воспитала девятерых детей. Дипломант и лауреат множества литературных конкурсов. Член Брянской писательской организации Союза писателей России. Живет в Трубчевске. Брянской области.

Солдатик

Середина марта 2022 года выдалась холодной... А может быть просто люди так это ощущали, ведь совсем недавно, примерно три недели назад началась никому не понятная операция СВО. Почему непонятная? Потому что в обычную повседневную, как нам казалось мирную жизнь, ворвалось нечто! Оно заполняло трассы колоннами военной техники, своим ходом по улицам ехали танки, бронемшины. Молодёжь пыталась всё это скорее сфотографировать на свои «супер крутые» айфоны, люди постарше... Люди постарше с тревогой смотрели на всё происходящее.

Мой маленький провинциальный городок находится вдали от крупных магистралей, но волею судьбы именно моя улица, окраина нашего городка, ведёт в сторону Украины. Ещё незадолго до 24 февраля ночью стали видны колонны машин, это было редко и очень страшно. Я не видела войны, я родилась в шестидесятые годы прошлого века, и лишь помнила рассказы моего деда Игната, который в ВОВ участвовал только в одном бою, хотя до этого была у него и первая мировая, и гражданская. Только в одном сражении на реке Сож под Гомелем, где его сильно контузило, дедушка пролежал долгие месяцы в госпитале, стал глухонемым. Но всегда мне говорил: «Я видел ад...»

...С каждым днём всё чаще военная техника ехала в сторону границы. Я, как только примечала колонну, выбегала за калитку и просто осеняла крестом каждую машину, шепча «Отче наш». Сколько раз я повторила молитву за то время? Сотни, тысячи раз? Не считала, да и вряд ли это можно сосчитать.

Водители подавали сигнал в знак благодарности, кто-то из солдат махал рукой, кто-то прикладывал свою ладонь к бушлату в области сердца и склонял голову. По прошествии вот уже более двух лет мне до сих пор очень тяжело вспоминать те первые мгновения.

...Ранним утром колонна ехала со стороны Украины. Я была занята делами по дому, муж завтракал, всё, как обычно – буднично и просто. Вдруг наша собака отчаянно залаяла, начала бросаться на ворота, словно кто-то невидимый стоял за ними. Рамона, взрослая немецкая овчарка, очень умная собака, и так реагирует? Я вышла на крыльцо, чуть в стороне от нашего дома на обочине стоял огромный военный грузовик. Я вышла за калитку, чтобы осмотреться что же там случилось? Молодой солдатик, лет двадцати, отчаянно пытался что-то сделать с поломкой машины и ему это явно не удавалось. Я зашла в дом и заговорила с мужем:

– Саша, там машина военная сломалась. Надо бы помочь солдатику.

Муж, не допив свой чай, скорее начал одеваться. Мы вышли, возле машины кроме военного уже стоял и наш сосед Николай.

Мужчины начали спрашивать солдатика в чём проблема, и нужна ли помощь. Солдат, высокий худой паренек, дрожал. То ли ему было холодно на промозглом ветру, то ли он сильно переживал, что пришлось отстать от своих. Мне он показался маленьким испуганным воробышком, захотелось просто по-матерински его обнять и обогреть. Пока мужчины пытались наладить неполадки в автомобиле, я вернулась в дом, на скорую руку сделала несколько бутербродов, горячий кофе и всё это вынесла на улицу. За время моего отсутствия к машине подъехал наряд полиции. Видимо проезжающие мимо автомобилисты сообщили об одиноко стоящем военном транспорте. Капитан полиции расспрашивал солдатика:

– Куда ехал? Ты в колонне или один? Маршрутный лист есть?

Паренёк был напуган. Он пытался что-то объяснить, но было видно как он нервничает и не знает как правильно поступить. Ведь военная тайна – она и для полиции тайна. Но полицейский не унимался, он задавал всё новые и новые вопросы. Я не выдержала:

– Вы что совсем очмурили! Не видите как ребенок переживает, ему помочь надо, а не расспрашивать. Дайте ему хоть горячего попить, чтобы согрелся. Пусть покушает, пока наши мужчины делают машину, а уж потом и вопросы свои задавайте.

Капитан грозно прикрикнул на меня:

– Вы что не понимаете, с кем разговариваете! Я при исполнении!

– Понимаю. Но я – мать и для меня этот солдатик – сынок, я должна ему помочь. А потом что хотите то и делайте со мной.

Я демонстративно повернулась спиной к полицейской машине, отгородив солдата собой от наряда полиции.

– На, пей, кофе горячий. Тебе согреться надо.

– Спасибо, – еле слышно проговорил дрожащим голосом паренёк, – Я не замерз. Просто...

Я перебила его:

– Пей, не разговаривай и бутерброды наворачивай. А может тебе супчика принести или в дом зайдёшь? Пока мужики колдуют над машиной?

– Нет Спасибо. Мне нельзя покидать машину.

Он пил кофе мелкими жадными глотками, обжигаясь, обхватив горячую кружку, согревая красно-синие обмороженные руки.

«Да он же просто ещё ребенок» – промелькнуло у меня в голове.

Я стала рассматривать внимательно машину, окошко пассажира было заложено мешком с песком, машина имела явно небольшие повреждения, то ли авария, то ли обстрел задел её. Сердце сжалось от боли.

«Господи, да что же это происходит?» – вырвалось у меня.

Муж и сосед Николай помогли справиться с поломкой топливного бака. На лице солдата впервые за эти минуты появилась улыбка, совсем детская, добрая и простая, настоящая, не наигранная! Он поднялся на ступеньку своего автомобиля, нырнул в кабинку и протянул оттуда Николаю коробку. Николай переспросил:

– Что это?

– Это сухпаёк, я же должен вас отблагодарить.

Мужчина замахал руками:

– Надумался! Поезжай с Богом, ничего не нужно.

Казалось, что суровые глаза Николая вот-вот расплачутся. Мужчина нервно закурил.

Полицейские видя, что машина готова продолжить маршрут предложили пареньку сопроводить. Но в это время на дороге показалась новая колонна. Я не выдержала:

– Остановите машины. Вы же полиция, вам можно. Может они помогут солдатику добраться до своих.

Капитан искоса посмотрел на меня, но всё же вышел на дорогу. Жезлом предложил остановиться

ехавшей впереди грузовику.

– Капитан..., доброе утро вы можете нам помочь?

Из кабинки выпрыгнул старший лейтенант:

– Что случилось? Это машина с нашей колонны, – он указал на грузовик, который только что отремонтировали.

– Сломался, вот наши мужики помогли в ремонте. Можно уже и продолжить путь.

Лейтенант подошёл к солдату, тот отдал честь под козырек и что-то стал объяснять.

– Понятно, садись в машину и следуй за нами, – коротко ответил лейтенант.

Колонна продолжила свой путь. Я осенила крестом удаляющиеся машины и пошла в дом.

Вечером, когда за ужином мы со своим мужем стали вспоминать эту историю, Саша вдруг задумчиво сказал:

– А знаешь, ведь полицейский подходил ко мне.

– К тебе? Зачем?

– Он спросил чья ты жена. Я ответил, что моя.

– И зачем это вдруг ему это понадобилось?

– Он сказал, что никогда не видел такой отважной женщины, которая на полицию за чужого ребенка бросается как коршун.

Я немного опешила:

– Сказал ещё, как коршун. Как курица за своих цыплят.

– Ты знаешь, я сегодня был очень горд за тебя, спасибо, дорогая.

Я отвернулась, чтобы не показать свою слабость. Ком подошёл к горлу:

– Я же ничего не сделала. Вот вы молодцы с Колей, а я что... просто напоила горячим кофе.

... Вот уже прошло почти три года с того дня, я не знаю почему, но все машины, что имели неисправности, останавливаются именно возле нашего дома. За это время наверно с десятков, а то и больше муж и сосед отремонтировали военных машин. С десятков или больше чашек я приготовила кофе, чая, сделано сотни бутербродов. Но тот первый солдатик, он так и остался в моей памяти.

Крышечка

Я родилась в далёкие советские времена...

Если я начну говорить как хорошо было тогда, наверно в мою сторону полетят камни, нет, говорить об этом я не стану. Скажу лишь одно: мы жили в огромной стране – СССР, где я – украинка по национальности не чувствовала страха ни за свою жизнь, ни за судьбу Родины, живя с детского возраста в России.

Но время неумолимо спешит вперёд, изменив сознание людей до неузнаваемости.

24 февраля 2022 года... дата, которая разделила многие судьбы, разорвала родственные связи и перечеркнула прошлое. СВО...Всего три буквы, а сколько в них боли, горя, слёз.

Мой сын Максим еще с учебы в техникуме сохранил дружбу с Егором, смышлённым, темноволосым пареньком. Они вдвоём, казалось, прошли огонь, воду и медные трубы. Всегда вместе и в горе, и в радости. Даже когда у Максима родилась дочурка Риточка, сын не мог представить на месте её крестного отца никого кроме Егора – вечного балагура, с доброй улыбкой на всё лицо и с необычайно грустными глазами.

Егор мог разделить то последнее, что у него было. Он часто бывал у нас в гостях, всегда приветлив, немного застенчив, но готовый прийти на помощь.

В первые же дни частичной мобилизации Егора призвали в вооруженные силы России. Максим очень сильно переживал, хоть сын жил уже своей семьей, но часто навещал нас, и мне было нестерпимо больно смотреть, как Макс нервничал, часто смотрел в телефон, ждал хоть какой-то весточки от друга. А когда Егору было позволено выйти на связь с родными и близкими, Максим стал всячески помогать ему. Сын связывался с военными, которые были в отпусках, передавал через них на фронт Егору передачи. Макс мог ехать за сотни километров, чтобы только отдать этот груз ребятам, которые передадут его Егору. Но один случай ...всего один из десятка других, запал мне в душу.

Как-то сын приехал к нам домой и в разговоре попросил банку и крышку.

– Банку с крышкой? Зачем тебе, если не секрет, – переспросила я.

– Не секрет. Ребята с Погара с Егоровой части сейчас в отпуске, вот я и собираю ему передачку. Ты же знаешь, как Егор любит сало. Вот я купил, засолю – и в банку. Только надо металлическую крышку, чтобы не открылась случайно.

Максим переступил с ноги на ногу и продолжил:

– Я ему уже всё подготовил, а вот про банку забыл, а сейчас вечер – хозяйственные магазины уже закрыты.

– Конечно дам. Но с одним условием.

– Условием? – Максим удивленно переспросил.

– Да! Согласен?

Сын недоверчиво посмотрел на меня:

– Ну ты, мать, даёшь. Ну, говори своё условие. Если надо, я после поездки в Погар куплю тебе такую же.

– Мне не надо ничего специально покупать!

А условие... Передай Егору, что банка стеклянная может и разбиться, на фронте ведь не на курорте. Но крышка! Крышку мне Егор должен после войны обязательно привезти!

– Мам!? Ты себя слышишь? Крышку? Неужели она для тебя так дорога? – Максим возмущенно затараторил.

– Дорога, но не мне, а ему. Пусть это будет его оберег, и он обязательно должен мне его вернуть, но не сейчас, а потом...когда вернется.

Сын с улыбкой закивал головой:

– Мам, я всё понял. Я обязательно Егору так и передам.

Шло время... Дни сливались в недели, недели – в месяцы. Сын, приезжая к нам домой стал задумчивым.

Для матери нет ничего тяжелее смотреть на своего ребенка и переживать за него.

На любые мои расспросы, что случилось? Максим отвечал всегда одно и то же: «Да ничего, всё нормально. Наверно и меня скоро заберут...»

Я понимала, что сын сильно волнуется за друга, но никак не могла предположить, что Максим уйдёт на фронт добровольцем...

Время, оно неумолимо. Однажды мы с мужем собрались пройтись по магазинам за покупками. Шли не торопясь, обсуждая, что нужно обязательно купить, попутно рассматривая витрины. Вдруг из-за спины знакомый голос:

– Теть Наташ, здравствуйте! А крышку вам сейчас отдать?

Я опешила. Повернулась и от неожиданности чуть не упала в обморок, ноги стали ватными, глаза потянуло поволокой слёз. Передо мной стоял высокий, худой парень. Глаза его выдавали огромную усталость и какую-то невероятную грусть. Хотя голос звучал звонко и радостно.

– Егор? Милый мой, Егор! Ты ли это? – я от волнения пыталась обнять этого «Гуливера», которому была почти по локоть.

– Да, тетя Наташ, я!

– Живой! Ты в отпуск?

– Да, на две недели. Вот уже одна почти пролетела.

– Как ты?

– Всё нормально. Вам крышку сейчас отдать?

Егор рукой пошарил в потайном кармане куртки и вытащил металлическую крышку от банки немного помятую.

Я же смотрела на неё зачарованно, слёзы застилали мне взгляд.

– Сохранил...

– Сохранил. Мне Макс сказал она вам очень дорога. Вы уж извините, что немного помятая, – Егор виновато посмотрел на меня и продолжил – Я про неё однажды забыл и выкинул, так потом пришлось искать. Я же не мог Максима подвести.

Я стояла растерянная и в то же время удивленная поступком этого мужественного парня, который год пробыл на фронте, но сберег самую простую, самую обычную крышечку. Мне хотелось крикнуть:

– Да не она мне дорога, а ты! Ты же мне как сын. И крышечка эта – мой оберег тебе.

Но слёзы сжали горло...

Я тихо промолвила:

– Очень дорога мне эта крышечка, но отдашь, когда придёшь совсем с войны. Хорошо?

– Хорошо. Хоть я совсем ничего и не понял.

Друзья Егора, стоявшие чуть в стороне, переглянулись и окрикнули Егора: «Ты скоро?»

Егор виновато пробасил:

– Извините, мне пора.

– Да, конечно. Я рада была тебя видеть, сынок.

Мы обнялись, муж крепко пожал Егору руку:

- Ты там это... будь осторожнее, береги себя! Мы гордимся вами, сынки.

Я видела, как тяжело давалось мужу каждое слово, но мужчинам не свойственны слезы.

Егор попрощался с нами и быстрым шагом подошёл к друзьям, которые его ожидали. Он повернулся в нашу сторону и помахал на прощание нам рукой. Шумной компанией ребята вместе с Егором скрылись за поворотом.

Мы с мужем смотрели им вслед. Я тихо шептала молитву «Отче наш». Муж меня обнял:

– Пойдём?

Я словно в забытьи ответила:

– Да... А ведь Егор сохранил крышечку!

– Сохранил...

– Пусть она его бережёт, а я за Максима и Егора молюсь, чтобы Господь послал им Ангела Хранителя, – я вытерла слёзы, взяла под руку мужа, – Пойдём... Я верю, что всё будет хорошо.

Шубникова Галина Николаевна – родилась в городе Советске Кировской области. Выпускница Литературных курсов Челябинского Государственного института культуры. Автор нескольких поэтических книг. Дипломант и лауреат известных литературных конкурсов России. Поэт из вятской глубинки, не затерялась в круговерти современной поэзии и сумела обрести собственный голос. Очень удачно пробует себя и в прозе.

Живёт в Советске Кировской области.

Подарок

В деревне домов поубавилось. Да и которые остались – не узнать. Обшитые, с новыми окнами, с заборами сплошными. Всё чужое. Только колодец остался нетронутым. Большой деревянный сарай, чуть покосившийся (видимо, хозяин все-таки есть, поддерживает, не даёт упасть). Стоит рядом с бабушкиным домом. Раньше казалось, что до колодца далеко, а сейчас – вот он, протяни руку. Внутрь захожу, как и раньше, с опаской. Там огромное колесо. Кажется, тронь его, и оно захватит, закрутит тебя и понесёт то вверх, то вниз по кругу, и загромыхает ведро на цепи, спускаясь в чёрную бездну. Сруб низенький, это раньше до края дотягивалась на носочках. Заглядываю вниз, до воды не доглядеться – глубок колодец. Но чернота внизу, безмолвная, дышащая на поверхности, качнула меня со всей силой и вот уже я стою у маленького оконца на кухоньке с русской печкой. Только из него видна извилистая тропинка через поле в город. И я стою, выглядываю, жду, когда появятся на ней фигурки людей и я узнаю маму с папой.

– Рано, девонька, выглядываешь, не время ещё, – слышу за спиной голос бабушки,

– Вот так же и я смотрела, выглядывала почтальоншу, писем всё ждала от Валюшки.

Я уже знала, что тётя Валя (сестра моего папы) воевала.

– И ждали мы её, почтальоншу, – продолжала бабушка, – всей деревней и боялись – какую весточку кому принесёт.

Холод идёт из сруба снизу, чем больше вглядываюсь в черноту, тем глубже, кажется, ухожу под воду. Слой воды тяжелее, чернее, колышет память, забирается под кожу.

– Бабушка, а покажи чашку, самую красивую.

Знаю, что самой брать нельзя, это что-то дороже, чем подарок для бабы Сани. Бабушка достаёт из шкафчика, бережно ставит на стол, поворачивает узором ко мне, стараясь незаметно вытереть глаза фартуком. Слово ажурная чашка – тонкие стенки, маленькая, воздушная... из такой чашки пить всё вкуснее, чем из обычной. Но мы все знаем, что её трогать нельзя, это подарок бабушке от тёти Вали. И бабушка, готовая отдать нам всё самое лучшее, произнося странную в то время для нас фразу «Во мне не взрвёт...», эту чашку хранит и разрешает пить из неё только при ней.

– Видано ли дело, – снова слышу бабушкин голос, горестный, тихий, словно сама с собой разговаривает, – девки на войне.

В деревне так тогда и говорили – девки. Это было привычно, звучало не грубо.

– Летом 42-ого призвали. Ох, уж горевали мы всей семьёй. Проводили Валюшку, отец переживал тогда сильно, что вот он, мужик, дома, а дочь пошла воевать. А что делать... Не одну её забрали.

Интересно, какая глубина колодца? Слово нет дна у него. Толща воды давит на грудь. Это память, из которой я еще могу вытянуть за ниточки воспоминания.

– Воевала наша Валюшка три с лишним года. Видишь фотографию – вот ту, что в рамке?, – бабушка показывает рукой в сторону, где над зеркалом висит большая рамка, в которой несколько

фотографий, самых дорогих для неё.

Валюшка, тётя Валя, молодая, красивая, в военной форме, улыбается.

Это я сейчас думаю, как хватало сил улыбаться в том аду, который они пережили. Молодые девушки на Ленинградском фронте.

Вода ледяная, до судорог, дно колодца ощущаю ногами. И кажется, оно не твёрдое, а тянет за собой, увязают ноги глубже и глубже, и толща воды становится – не выдержать, тяжёлая, тёмная, мрачная.

Сумерки всё чернее и чернее. Бабушка зажгла керосиновую лампу. Поставила на стол эмалированное блюдо с семечками жареными, знает, как мы их любим.

– Не писала никаких подробностей Валюшка, не жаловалась...да и нельзя, наверно, было, – осторожно добавляет бабушка, – да и кому легко было? Потом уж рассказывала, когда вернулась. Да чаще говорила – ничего там интересного, давайте лучше, как вы жили.

Мёрзли они сильно там, не высыпались, бывало и голодали, тяжело было. И не привыкнуть было к смерти. Смерть она всегда забирает силы оставшихся в живых, жалостью по убитым забирает, жалостью к себе, что не исправить ничего. Но верили в Победу, каждый хотел дожить до неё, да немногим привелось.

– Ой, девонька, – это бабушка уже ко мне обращается, – не надо вам знать о той войне, страшное это – война...Слава Богу, вы живёте, горя не знаете, всё есть у вас.

На минуту, потеряв голос бабушки, слышу отрывки, только отрывки из рассказов тёти Вали, так она не хотела говорить о войне...

– 17 июня 1942 года меня призвали. Папа мой плакаааал... он, мужчина, оставался дома. До пристани провожал он, мама и брат. Нас до Котельнича повезли. Стоит папа на берегу, рукой машет... до сих пор вижу это.

В Волхове наш эшелон бомбили. В придорожных кустах, куда мы спрятались – грязь, слякоть. Страх пробирал до пяток, дышать страшно, одни женщины кругом, целый эшелон девчонки. Даааа... девчонки еще, какие женщины...хотя и повзрослели мы все разом. Высадили нас на Ладожскую косу.

Жили в землянках. Нас человек 80 было. В землянке по бокам нары, постель из песка и вереса, да плащ палатка.

Мы стояли на охране Дороги жизни. А зимы лютые были, согреться негде, воду топили из снега. Всё нутро насквозь промерзло и только иногда от страха бросало в жар. А как не бояться? Мы ж живые, молодые, всем жить охота. Но воевали на совесть, друг друга не подводили и помогали. Я была связистом-телефонистом. Связь рвалась часто, не один раз в день. Несёшь на себе аппарат, противогаз, винтовку. Не девичья это работа, вспоминать не хочется, как было трудно и тяжело, но мы знали, что надо выстоять и победить.

На Ладоге стояли до 27 января 1944 года, до дня снятия блокады.

Три с половиной года только землянка, спали иногда и у машин просто на земле. Ни крыши дома над головой, ни помыться по-хорошему, ни выспаться...

День Победы встретила в Кенигсберге. Там мы стояли на охране города. Узнали о Победе – все кричат, плачут, обнимаются... Не знаю, что нам дало силы выстоять. Не женское это дело – война.

Демобилизовали меня в августе 1945 года.

Ледяная вода раскачивает память. Радужные кружочки пошли, поплыли один за другим, увлекая за собой.

В бабушкином малиннике можно заблудиться, словно лес стоит по изгороди сада буквой «Г». Наберёшь полную чашку ягод и бегом домой, по высокому крылечку взбегаешь, только бы не оступиться, не рассыпать малину. А баба Саня в чашку молока нальёт, и вкуснее нет ничего.

Чашка, снова чашка...

– Тётя Валя, а расскажи, как ты бабушке чашку привезла.

Дыхание затаила, жду ответа...

– Война уж к концу шла, мы на охране города Кенигсберга стояли. И много повидали до этого смертей и страшного. Но жизнь для нас, молоденьких, не остановилась. И цветы замечали, что пробивались несмело среди руин и развалин, и влюблялись, и ночи красивые да лунные напоминали о мирной жизни где-то не здесь.

Я пытаюсь ещё что-то расслышать, но звуки уходят под воду.

А перед глазами картинка: молодая, стройная, в военной форме девушка и рядом майор в майском цветущем саду.

Протягивает ей веточку яблони, всю в бело-розовых лепестках, девушка берёт в руки, и вдруг у неё на ладони лепестки яблони превращаются в чашку, заденешь её и звенит она хрустальным звоном, словно поёт – ни с чем не спутаешь этот звук – звук хрустально-чистого родника. И понимает девушка, что этот лёгкий звон – эту мелодию, мелодию жизни, а не войны, она увезёт домой своей маме. Она должна его услышать, он вызывает улыбку и сердце начинает петь.

Война и мир.

Жизнь и смерть.

Боль и радость.

Любовь и расставание.

Это может быть вместе?

Это – вместе.

Очень, очень мало тётя Валя говорила о войне и неохотно. Каждый раз отмахивалась рукой – да незачем вам знать.

Она и на встречи, когда приглашали, ходила неохотно.

Сквозь круги на воде проступает и постепенно узнается лицо дяди Пети. Бритый наголо, с круглой блестящей головой и улыбкой на лице, а голос – тише не бывает...наверно, этим он и «взял» меня, когда я, годовалая, оставленная на какое-то время у бабушки, не шла ни к кому на руки, а только выставляла палец указательный и говорила «бо-бо», что означало – нельзя, нельзя ко мне приближаться. И только дяде Пете я позволяла взять себя на руки и посадить на колени, что уж он рассказывал мне в эти минуты, неведомо теперь. Картинку эту помню по рассказам бабушки. И разве могла я подумать, уже позднее в детстве, что этот тихий, не повышающий голоса человек, прошёл всю войну. Ни разу он не упомянул о ней. Хотя война была в его жизни, майора ветеринарной службы, с 1941 по 1945 годы. Награжден был за спасение огромного количества лошадей.

«Зарекомендовал себя как один из лучших офицеров части. 915 лошадей из полутора тысяч вернул здоровыми на фронт. Заслуживает награды Орден «Красная звезда», – это из доклада майора в/ч Бессмертных. Этот документ я прочитала уже будучи взрослой.

Высокий, статный мужчина, с такой любовью относящийся к животным, – было что-то в этом притягивающее и завораживающее, что делало его в моем понимании очень добрым и неприметным, он и в мирной жизни продолжал работать по своей профессии. И каждый раз, увидев меня, он поднимал палец вверх и говорил смеясь «бо-бо» Таким и остался в моей памяти.

Они отмечали День Победы без излишнего веселья. Радовались Победе, радовались, что остались живы, но была в их глазах такая затаённая грусть-тоска, что хотелось выть – это я позднее поняла.

Наверно, чтобы жить дальше, надо было постараться забыть то страшное...ведь война для них была не в кино с чистыми гимнастёрками и бравурными песнями в строю, – она прошла через сердце, да там и застряла острой болью, которая по ночам не даёт спать.

Тёмная, просто чёрная ледяная вода колодца обжигает огнём нестерпимым – хочется кричать, не столько от своей боли, сколько от беспомощности и незнания...Сколько десятков лет еще должно пройти, чтобы узнать всю правду...

Колодец живёт своей жизнью, вода знает, когда вытолкнуть на поверхность.

И голос бабушки тому подтверждение:

– Так же выглядывали мы на тропинку эту заветную, она испокон веку на этом месте и всегда видать, кто из города идет.

Дно колодца отпускает меня и поднимает вверх, где толща воды меньше и легче.

– Господи, перекрестилась я тогда, – снова тихий-тихий голос бабушки, – смотрю и глазам не верю – Валюшка... или не она? Выбежала за ворота, а до тропинки бежать нет сил, ноги не держат, стою, утираю глаза фартуком...

– Валяяяя... – я то думала, что кричу, а это я шёпотом... – Валяяяя...

– И она, завидев меня, дойдя уже до дома Евгеньи, бросилась бегом навстречу. Так и стояли мы обнявшись и утирая слёзы. От счастья? Да кто его знает, какое оно счастье...

Валюшку прижала, вот и зашло сердце до слёз. Это ж сколько дней и ночей разом промелькнуло в

памяти. С подарком приехала Валюшка с фронта, с подарком, – голос бабушки снова стих, словно растворился под водой.

– Баба Саня, с каким подарком, с этой чашкой? – терблю я её.

Баба Саня очнувшись посмотрела на меня и промолчала.

Толща воды расступилась над моей головой. Исчезла чернота колодца. И вот он, свет – из глубины манит наверх – к небу, к солнцу. Выталкивает со всей силой на поверхность.

Колесо закрутилось, видимо, нечаянно задела его рукой и цепь грохочет, отпускает ведро вниз. Долетит оно до воды, зачерпнёт и попробуй вытащи, выкрути наверх – сколько силы для этого надо. Руки словно приросли к срубу колодца и заледенели так, что не отцепить их. Холод рук соединился с холодом сердца. И чем отогреть, чем растопить его, когда нет уже в живых ни бабушки, ни тёти Вали, ни дочери её, родившейся в 45-ом, ни дяди Пети? Это на их боли и страдании, на их Победе выросла моя жизнь.

Чашка только жива, ажурный тонкий фарфор – со своей тайной и памятью о дорогих и родных людях.

* Софронова (Бабинцева) Валентина Степановна воевала в 225 роте отдельного артдивизиона 77 дивизии ПВО Ленфронта. Награждена медалью «За оборону Ленинграда» и Орденом Отечественной войны II степени. На фронте с июля 1942 года по август 1945 года.

* Софронов Пётр Владимирович 69 запасной артиллерийский полк 1 Прибалтийский фронт. Награждён Медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» и Орденом Красной Звезды. На фронте с августа 1941 года по ноябрь 1945 года.

Фёдоров Вадим Николаевич – родился в 1966 году в Алма-Ате. Окончил техникум «Радиоаппаратостроение» в подмосковном Серпухове. Прозаик, драматург, сказочник, сценарист, поэт. Председатель Союза русскоязычных писателей Чехии. Первый секретарь Гильдии драматургов России. Победитель и лауреат всероссийских, международных литературных конкурсов. Живёт в Москве.

Акация

Инспектор в рабочую команду номер два Stalag VIII-F (318) приехал около обеда – немолодой уже обер-лейтенант с помощником. В домике охраны в это время были двое – рядовые Юнг Юрген и Карл Лаугер.

Рядовой Лаугер встретил начальство у входа, вытянулся по струнке, отдал честь и отрапортовал. Офицеру это понравилось. Он был высоким, худым, с тонкими губами и круглыми, как у филина, глазами. Карл, в отличие от него, был низок ростом, немного толстоват, с круглой физиономией и носом картошкой.

– Где все? – спросил обер-лейтенант.

– Четверо охранников с пленными выше по ручью валят лес, – доложил Лаугер. – Мы с рядовым Юргеном занимаемся готовкой пищи и уборкой.

– Готовка – это хорошо, – ухмыльнулся офицер. – Я как раз проголодался. Показывайте, что тут у вас.

– До готовности ещё минут десять-пятнадцать, – доложил выскочивший из двери рядовой Юрген. – Гуляш господин офицер любит? Подождёте?

– Хорошо, – сглотнув, ответил обер-лейтенант, – подожду. Покажите мне пока помещение и где живут пленные.

Юрген кивнул и скрылся на кухне. За ним вслед пошёл помощник обер-лейтенанта. А Карл

принялся показывать высокому начальству караульное помещение.

Здание казармы из толстых брёвен стояло на склоне холма. Две спальни, в каждой – по четыре кровати. Столовая. Кухня. Оружейная комната. Припасы и дрова хранились в подвале, который был сделан из камней, привезённых с ближайшей каменоломни.

Вход в подвал был со стороны лесной дороги, по которой приехал с проверкой обер-лейтенант. По другую сторону дороги в глубокой впадине весело журчал лесной ручей. Через него был перекинут каменный мостик, который упирался в ворота. За воротами на ровной площадке размером с футбольное поле стоял барак для военнопленных. Площадка была окружена забором с колючей проволокой в два ряда.

– Там есть кто? – спросил обер-лейтенант, стоя у мостика через ручей.

– Двое дежурных готовят еду для пленных, – доложил Карл, – из больных. Когда приготовят, понесут кастрюлю на поляну. Кормление 15 минут. Потом опять работать.

– Хорошо, – кивнул головой офицер и вдруг совсем по-детски поймал языком падавшую с неба снежинку. – Хорошо у вас тут. Лес, воздух. Ты как тут оказался, рядовой?

– Контузия на второй день наступления, – виновато доложил Карл. – Отлежался в госпитале, и отправили сюда, как не годного к строевой службе.

– Ничего, – обер-лейтенант похлопал его по плечу, – служба везде нужна. И на передовой, и в тылу. Как думаешь, гуляш уже готов?

– Я думаю, готов, – ответил Лаугер и повёл начальство в столовую.

Пообедали вчетвером: офицер, его молчаливый шофёр и Карл с Юнгом. После этого Юнг сложил четыре порции гуляша в зелёные термоски и отправился кормить коллег, охранявших пленных. Помощник обер-лейтенанта вызвался прогуляться вместе с ним.

– Иди, – разрешил ему офицер. – Целыми днями за рулём сидеть – это тяжело. А я пока отдохну после такого обеда.

И он сыто развалился на стуле, попивая мелкими глотками водичку из алюминиевой кружки.

Карл убрал со стола, выпил за компанию с высоким гостем стакан воды.

– А что это у вас на окне? – вдруг спросил офицер.

– Свистулька, господин обер-лейтенант, – доложил Карл и взял с подоконника кусок дерева с вырезанными в нём отверстиями, – детская игрушка.

Он поднёс свистульку к губам и свистнул. Офицер рассмеялся.

– Сам сделал? – спросил он рядового.

– Никак нет, – доложил Карл. – Один из пленных вырезал. У него тоже дети, как и у меня: девочка и мальчик. Он вырезал и подарил мне, для детишек.

– Пленный? – удивился офицер. – А на каком языке ты с ним разговариваешь?

– Я – на немецком, – смутился Карл, – а он на русском. Но почему-то друг друга понимаем. И ещё жестами общаемся. Он очень хорошо с деревом работает. Умелец.

– Рядовой, – голос у обер-лейтенанта вдруг посуровел, – а если он этим ножичком, из которого свистульку вырезал, тебе горло перережет? Что тогда?

– Да там не ножик, – поднял руки вверх Карл, – там кусок ножовки заточенный. Им убить нельзя. А вот из дерева вырезать очень удобно. Не убьёт он меня.

– Хм, – офицер протянул руку к Карлу, – дай посмотреть.

Лаугер протянул обер-лейтенанту свистульку. Тот покрутил её в руке, вытер о рукав мундира и осторожно поднёс к губам. Свистнул.

– Господин обер-лейтенант, – осмелев, спросил Карл, – а вы русский язык знаете?

– Совсем чуть-чуть, – ответил офицер. – В основном карманным словарём пользуюсь. А что?

– Что значит по-русски «акация»? – спросил Карл. – Мне этот пленный говорил, что свистульки из акации самые лучшие получаются. Я так понял, это дерево такое.

– Акация? – переспросил офицер. – Сейчас посмотрим.

Он встал, достал из кармана шинели потрёпанную книжечку, полистал её.

– Нет тут такого слова, – сказал обер-лейтенант, – но я тебе не советую больше с этим Иваном общаться.

– Он Василий, – подсказал Карл. – Они не все Ивановы.

– Рядовой, – усмехнулся начальник, – без разницы, как его зовут. Он русский, а русские для нас – враги.

– Так точно! – поддакнул Карл. – Враги.

– Они не просто враги, – офицер встал и стал прохаживаться по тесной столовой, – и война у нас идёт не с конкретной страной. Это война рас. Ты и я, мы представители высшей расы. Мы единственные в мире. А окружают нас орды вот этих вот Иванов и Василиев. Они варвары. И наша задача – стереть их с лица земли. Потому что если мы этого не сделаем, то они нас сотрут.

Офицер, недавно расслабленно сидевший на стуле после сытного обеда, преобразился. Теперь перед Карлом стоял взволнованный оратор, как будто вместо Карла перед ним были ряды внимательно слушающих рядовых вермахта.

– Наш вождь, наш горячо любимый Адольф Гитлер, в своих трудах всегда писал, что надо уничтожить эту заразу, – продолжал между тем обер-лейтенант. – Идёт война за выживание, а ты заводишь дружбу с одним из тех, кто может завтра прийти и зарезать твоих детей, изнасиловать твою жену и выгнать вас из вашего дома. Это он сегодня тебе свистульку делает, а как только представится случай, воткнёт тебе нож в спину. Ты кем до войны работал?

– Свинопасом, – ответил вытянувшийся по струнке и немного напуганный Карл. – У нас с отцом свиноферма была. Мы их всю жизнь выращивали. И дед мой.

– Свинопасом? – переспросил офицер и вдруг засмеялся: – Правда?

Он неожиданно остановился, уселся на прежнее место и успокоился. Ораторский пыл у него внезапно угас.

– Правда, – ответил Карл.

– В принципе, ты сейчас занимаешься тем же самым, – ухмыльнулся начальник. – Запомни, ты охраняешь не людей – это свиньи. Тебе же до войны не приходило в голову дружить с каким-нибудь поросёнком?

– Не приходило, – подумав, ответил Лаугер. – Моё дело было – накормить их, почистить клетки и смотреть, чтобы не разбегались.

– Молодец! – похвалил рядового обер-лейтенант. – Вот то же самое и делай тут. Корми, чтобы не сдохли, и смотри, чтобы не убежали. И никаких разговоров или подарков! Они свиньи, которые сожрут тебя и твоих детишек и не подавятся, стоит тебе только показать свою слабость. Ты меня понял?

– Так точно! – ответил Карл. – Я больше не буду. Спасибо, господин обер-лейтенант.

Офицер не ответил. Лишь кивнул, надел шинель, вышел и прогулялся вокруг караульного помещения. Потом вернулись Юнг с шофёром и двумя пленными, волочившими две пустые кастрюли.

Обер-лейтенант забрался в машину, что-то сказал своему водителю. Тот рассмеялся в ответ, и они уехали.

Как только начало темнеть, вернулись пленные. Они поскладывали топоры и пилы в маленький сарайчик возле караульного помещения и через мостик зашли на территорию лагеря.

На поляне перед бараком никто не задержался: зима в 1941 году наступила очень рано и была на редкость холодной.

Барак разделялся на три отсека, в каждом из которых были двухъярусные нары. Двадцать человек на отсек.

Василий жил в среднем отделении. Ему было 27 лет, и он был почти самым старым среди своих товарищей.

Грязная и вонючая толпа истощённых людей зашла в барак. Большинство сразу же упали на нары. Спали все в один ряд: ты прижимался к спине своего товарища по несчастью, другой пленный обнимал сзади тебя. Так было теплее спать, согревая друг друга своим теплом. Бараки не отапливались.

Но Василий не стал ложиться. Он отошёл к окну, присел на корточки. Из зарешечённого окна струился холодный свет полной луны.

– Принёс? – спросил он в темноту. – Давай быстрее.

В пятно лунного света вылез совсем ещё молодой парнишка. Гимнастёрка на нём была вся потрёпанная и грязная. И ещё он был бос. Ноги покрывала корка грязи.

Парнишка ловко вытащил из-под гимнастёрки несколько рулонов бересты. Василий достал из кармана шило и то ли бечёвку, то ли толстую нитку. Стал ловко сшивать куски бересты в подобие лаптей.

– Ща тебе, Филька, обувки сделаем, будешь первым парнем на бараке, – пошутил Василий.

Филипп лишь улыбнулся в ответ, замороженно глядя на работу мастера.

– Мужики, у вас пожрать есть? – раздался шёпот со стороны нар.

– Есть, – отозвался Василий, – осталось сп...ть и принести.

– Не, я серьёзно, – к пятну света приблизился третий – высокий, как оглобля, Николай. – Есть что пожрать?

Он был из города, в отличие от Василия и Филиппа, и в шутку его звали «интеллигенция».

– Нету у нас ничего, – ответил ему Филипп. – Видишь, обувку мне шьём. Пошукай в другом месте.

– Нигде пожрать нету, – вздохнул Николай. – А вот наш ручей Заячьим зовётся. Это значит, тут зайцев много. Как думаете, можно будет одного поймать?

– Ты не поймаешь, – сказал Василий, примеривая лапоть к ноге Филиппа.

– Эт почему? – удивился Николай.

– Не догонишь, – ответил Василий. – Заяц осенью жирный, у него сил много. А ты дохлый, пару шагов сделаешь и упадёшь. Не догонишь ты зайца, Колян.

– Надо будет, догоню, – не сдавался Николай, – или можно силки поставить незаметно.

– Да какие силки? – возмутился Василий. – Тут вон на вторую лаптю бечёвки не хватает. Не ходить же Филе в одной обувке?

– А ты у немца у своего спроси, – посоветовал Филипп, – мож, даст.

– «Мож, даст», – передразнил товарища Василий, – а мож, не даст. А мож, даст, да по морде сапогом.

– Хватит болтать, – раздалось со стороны нар. – Спать ложитесь, полуночники!

– Завтра спрошу, – шёпотом сказал Василий. – За спрос денег не берут. Может, и раскошелится.

– К нам на Украину во время голода немцы приезжали, в село, – вдруг сказал Филипп. – Я ещё маленький был. Жрать было совсем нечего, а приехали немцы и зерно привезли. Красный крест у них на мешках был намалёван.

– Эт в каком году было-то? – спросил Николай.

Про еду он готов был говорить всю ночь.

– Лет десять назад или больше, – подумав, ответил Филе. – Я тогда мальцом был. Но то были

добрые немцы. От смерти нас спасли. А нынешние какие-то другие – злые, неправильные. Мы же им ничего не делали!

– Кончай политинформацию, – Василий протянул Филиппу готовый лапоть. – Вот найдём акацию, я этому неправильному немцу столько свистулек наделаю, что он нас бечёвкой завалит. И на обувку, и на силки хватит.

– А почему акация нужна? – спросил Николай. – Чем тебе берёза или ёлка не подходит?

– Хех, – усмехнулся Василий, – вот ты дурень! Из ёлки никакая свистулька не получится. Свистульку из твёрдого дерева делать надо. А какое у нас самое твёрдое дерево?

– Дуб, – уверенно сказал Николай.

– А вот и неправильно, – ответил Василий. – Самое твёрдое дерево (даже твёрже дуба) – это акация. У неё свист другой – звучный. Забирай, Филя, свою лаптю, завтра вторую доделаем. Полезли спать.

И все трое, кряхтя, забрались на нары, прижались другу к другу и замерли. Заснули сразу, как по команде, невзирая на собачий холод.

Проснулись, как только рассвело. Быстро построились во дворе перед баракком. За ночь выпал снег. Много снега. Небо ещё было серым, но облаков с каждой минутой становилось всё меньше и меньше. День обещал быть солнечным.

Умываться никто не стал. Вода в Заячьем ручье была жутко холодной. Так, кое-кто пообтёрся снегом.

Выстроилась очередь за хлебом. Давали по 200 граммов на целый день. Хлеб можно было запить тёпленькой водичкой с гордым названием «чай», который варили на костре.

Большинство съедало свою пайку тут же. Есть хотелось всем и постоянно, а еда была предусмотрена только в обед – тарелка так называемого борща из прокисшей капусты. Мяса там не было, но хоть что-то попадало в пустой и больной желудок.

Построились в колонну, и она медленно потекла через открытые ворота и мостик к караульному помещению. Разобрали топоры и пилы и уже в колонне по четверо отправились на работу. Дорога шла в гору. И шестьдесят человек уныло поднимались в эту проклятую гору, меся ногами грязь.

– Ты чего лапоть не надел? – спросил шагавшего рядом Филиппа Василий.

– Берегу, – отозвался парнишка. – Вот как вторую сделаешь, оба две надену.

Их разговор услышал шагавший рядом Карл. Он что-то крикнул коллеге, идущему впереди. Тот скомандовал: «Стой!»

Колонна остановилась.

– Васильий! – позвал Карл пленного и для убедительности поманил пальцем.

Василий вышел из колонны, подошёл к Лаугеру.

– Акация, – сказал Карл и показал в сторону от дороги.

Между деревьями виднелась просека: то ли старая заросшая дорога, то ли ещё что-то.

– Акация, – повторил Карл и опять махнул в сторону просеки.

– Понял, – ответил Василий, – сейчас сбегаю, прутьев нарежу. Сейчас, я быстро!

И, сойдя с дороги, он побрёл по просеке, проваливаясь в снег и путаясь в бурьяне, оставшемся с осени.

– Отличные получатся свистульки, – бормотал Василий, отходя от колонны, – всем детишкам хватит. И нашим, и вашим.

Он не видел, как Карл осторожно снял винтовку с плеча и, стараясь не шуметь затвором, дослал патрон в патронник.

Но это видели все остальные: пятьдесят девять советских пленных и трое сослуживцев Карла. Все молча смотрели, как немец поднимает винтовку и целится в спину Василию.

И тут не выдержал Филипп.

– Не вбивайте, не вбивайте, не вбивайте! – закричал он и присел на корточки, закрыв уши руками.

Василий вздрогнул. Остановился. Повернулся. И увидел Карла, который целится в него.

– Сука, – тихо сказал Василий и опустился прямо на снег.

– Не вбивайте, не вбивайте, прошу, не вбивайте! – нёсся над лесом крик Филиппа.

Карл выдохнул, опустил винтовку. Жестом показал Василию, мол, возвращайся в строй.

Тот на ватных ногах добрёл до колонны, встал на своё место. Обнял дрожавшего рядом Филиппа.

Паренёк уже молчал, лишь по холодным щекам текли горячие слёзы.

– Пошли! – скомандовал впередиидущий конвойный.

И колонна пошла дальше, в гору, пилить лес для нужд Великой Германии.

Этот случай подкосил Василия: он перестал разговаривать, почернел лицом, стал кашлять. А вскоре умер. Обувь после его смерти досталась Филиппу.

Карабанова Василия не стало в возрасте 27 лет 21 ноября 1941 года. Похоронен был возле Заячьего ручья вместе со своими товарищами. Где и как он умер, его родные узнали только в 2020 году.

Петрушевич Филипп умер там же в возрасте 23 лет в феврале 1944 года, просуществовав в этом аду чуть больше двух лет. Его близкие не знают, что с ним случилось и где его могила.

Николай, фамилия неизвестна, погиб в Польше, во время пересылки в лагерь Аушвиц летом 1942 года. Его родственникам тоже неизвестно, что с ним произошло и где он захоронен.

Карл Лаугер скончался весной 2008 года в госпитале под Мюнхеном в возрасте 94 лет. Покоится на городском кладбище.

Когда Карл был жив и его родные спрашивали о войне, он всегда отшучивался и отвечал уклончиво.

– Послали на восточный фронт, где я не успел сделать ни одного выстрела, как меня ранили, – говорил он. – Поэтому я всю войну прослужил в хозроте. Свиной пас.

[Добавить комментарий](#)

[Комментарии](#)